

Довид Кнут: Новые материалы

В. Хазан

Аннотация: Литературное и эпистолярное наследие известного эмигрантского поэта Довида Кнута (Давид Миронович Фиксман; 1900–1955) уже не раз становилось предметом публикации и научного изучения. Однако значительная и до сих пор неизвестная часть его архива (неопубликованные стихи, проза, статьи, дневник, письма и др.), обнаруженная относительно недавно в Израиле, где Кнут прожил последние годы жизни, где умер и похоронен, придает исследованию его жизни и творчества новую актуальность. Можно сказать, что перед специалистами и широким читателем открывается отчасти совершенно неизвестный (или малоизвестный) Кнут. Для данной публикации отобрано несколько писем из новонайденного архива – самого Кнута (к первой и второй женам: Саре-Софье Грабойс и Ариадне Скрябиной) и к нему (Г. Адамовича, Д. Гликберга, Р. Гринберга и др.).

Ключевые слова: Довид Кнут, Георгий Адамович, Роман Гринберг, русская эмиграция, переписка.

Информация об авторе: Владимир Хазан, Ph. D. Профессор Еврейского университета в Иерусалиме, Израиль. E-mail: vladimirkhazan6@gmail.com

Имя адресата нескольких новонайденных писем, которые составляют основу настоящей публикации, – эмигрантского поэта, прозаика, журналиста и общественного деятеля Давида Мироновича Фиксмана, известного как Довид Кнут (1900–1955)¹, – как кажется, в особом представлении не нуждается: оно получило широкое признание самых утонченных ценителей литературы. «Настоящим поэтом» считал его, по воспоминаниям И. Одоевцевой, Г.В. Адамович²; «одно из наиболее подлинных дарований среди поэтов, начав-

---

¹ Считается, что в качестве псевдонима Д. Фиксман якобы использовал девичью фамилию матери – Перл Кнут (об этом среди прочих писал и автор настоящих строк). Предпринятые попытки проверить достоверность данной информации, однако, не увенчались успехом. Установлено, что мать Кнута звали не Перл, а Хая (за это уточнение приносим благодарность кишиневскому журналисту О. Тиховской); не исключено, что носимая ею фамилия Кнут также является фикцией.

² *Одоевцева И.* На берегах Сены. М.: Худ. лит., 1989. С. 108. Впрочем, это мнение Г. Адамовича существует и в лишенной какого-либо опосредования форме: «Кнут – поэт подлинный, прирожденный. Он им остается всегда» (*Адамович Г.* Литературные заметки // Последние новости. 1938. № 6179, 24 февр. С. 3). Анонсируя в «Последних новостях» вечер Кнута, состоявшийся 29 октября 1936 г., тот же критик писал: «Сегодня Довид Кнут выступает с чтением своих стихов и рассказов. Нередко литературные вечера оставляют смутное впечатление. Слишком пестр состав участников: внимание рассеивается. Едва вслушаешься в чей-либо голос, едва вникнешь в слова – на эстраде другой автор. А за

ших печататься в последние годы», видел в нем М. Цетлин³; ровно тот же эпитет – «подлинный поэт» – прикладывал к Кнуту Н. Оцуп⁴; как поэта «с настоящим чутьем жизни», на примере которого, «пожалуй, ярче всего видно, как можно, оставаясь на высоте истинной поэзии, перекликаться с действительностью», оценивал его А. Бем⁵; «чудесным поэтом» назвал Кнута историк, литературовед и философ Н.Е. Андреев⁶; а русский и польский поэт, эссеист, критик, литературовед и художник-график Л. Гомолицкий небеспричинно полагал, что именно Кнут первым в русской поэзии показал «национальное лицо» еврея⁷. Этот перечень можно продолжать и далее.

Когда Кнута не стало, В.Н. Бунина, узнав об этом, писала 23 февраля 1955 г. супругам Кодрянским: «Только что узнала о кончине Кнута и потрясена ею. Мы все, начиная с Ивана Алексеевича и кончая Лялей <Жировой>, очень его любили и ценили»⁸.

То, что Кнут – «один из наиболее способных эмигрантских поэтов», признавал и «другой берег» – обычно недружелюбная по отношению к изгнанникам советская критика. Разбирая его стихи, помещенные в «Воле России» (1926. № 3)⁹, Борис Волин (собст. И.Е. Фрадкин) реагировал на них относительно миролюбиво, без обычного идеологического скрежета зубовного, и писал, что поэт

...рассказывает, какие необыкновенные эмоции он получает, когда «в веселии, семижды окаянном», с самим собой вступает он в «бесплотный пляс»; обработав заново сологубовско-арцыбашевско-бальмонтовскую тему «хочу быть дерзким», он сообщает, что всё его «верую» заключается в том, чтоб:

Лежать в ночи – дышать простором свежим,
Плыть в мир невыносимой красоты...
Свой малый путь пройти стопой медвежьей,
С медвежьим сердцем, легким и простым...¹⁰

ним – третий, четвертый... Кнут читает один. Пропустят ли истинные друзья поэзии случаи войти в непосредственное общение с одним из даровитейших ее представителей и поблагодарить его за всё, что он им дал и дает?» (1936. № 5697, 29 окт. С. 3).

³ Современные записки. 1928. Кн. 35. С. 537.

⁴ Оцуп Н. Довид Кнут // Русская мысль. 1955. № 742, 4 марта. С. 5.

⁵ Бем А.Л. Письма о литературе / Сост. и авторы предисл. М. Бубеникова, Л. Вахаловска; отв. ред. Л. Белошевская. Praha: Slovanský ústav, Eurislavica, 1996. С. 266, 113.

⁶ Андреев Ник. «По памяти, по записям» А. Бахраха // Русская мысль. 1980. № 3302, 3 апр. С. 11.

⁷ Гомолицкий Л. Сочинения русского периода: В 3 т. / Под общ. ред. Л. Флейшмана. М: Водолей, 2011. Т. 3. С. 659.

⁸ НИОР РГБ. Ф. 503. Карт. 1. Ед. хр. 7. Л. 5.

⁹ По существу, это был фрагмент 3-й главы поэмы «Испытание».

¹⁰ Волин Бор. Эмигрантская поэзия // На литературном посту. 1926. № 3. С. 21. При публикации поэмы «Испытание» во «Второй книге стихов» (1928) первые два стиха были заменены.

Вернувшийся из эмиграции в Советский Союз А. Вертинский среди наиболее заметных поэтов-беженцев, кто особенно остро переживал разрыв с родиной: К. Бальмонта, Г. Иванова, В. Ходасевича, Г. Адамовича, Б. Поплавского, В. Смоленского, – называет также имя Кнута и приводит его стихи:

О том, что дни
мои глухонемые,
О том, что ночью я –
порой в аду.
О том, что ночью
снится мне Россия,
К которой днем
дороги не найду¹¹.

Если за некоторую – вполне, разумеется, условную – единицу упоминания стихотворных строк поэта принять, скажем, такой показатель, как их использование в качестве эпиграфа к текстам других авторов, то и в этом случае можно говорить о довольно впечатляющей репрезентации кнutowского имени. Вот только несколько примеров.

Строка «О лай о чем-то знающих собак!» (стихотворение «О чем сказать: о сини безвоздушной...») взята эпиграфом к стихотворению И. Кнорринг 1933 г. «Собаки»¹². В повести «Туннель», к каждой главке которой подобран эпиграф, а в некоторых случаях даже несколько, автор, подписавшийся «Алетрус» (кто скрылся за этим именем, неизвестно), дважды использовал в этом качестве стихи Кнута: ко 2-й главке (из стихотворения «Ночь»):

Я знал тебя давно, предвидел и предслышал,
Я знал, что ты придешь и улыбнешься мне...

И к главке 12-й (из стихотворения «Измена»):

...И ушел. И вступил в очистительный круг
Одиночества, грусти, свободы, победы...¹³

Самые знаменитые кнutowские строки: «Особенный еврейско-русский воздух... / Блажен, кто им когда-либо дышал!» («Кишиневские

¹¹ Вертинский А. Дорогой длиною... М.: Правда, 1990. С. 206.

¹² Кнорринг И. После всего: Стихи 1920–1942 гг. / Предисл., сост., подгот. текста к печати и примеч. А.Л. Жовтиса. Алма-Ата, 1993. С. 90–91.

¹³ Алетрус. Туннель // Современник (Торонто). 1961. № 3. С. 9, 22.

похороны») ¹⁴ – стали эпиграфом к трехтомной мемуаризованной повести С. Прегель «Мое детство» (Париж: Новоселье, 1973–1974). «Индекс цитирования» Кнута не ограничивается эпиграфической зоной, а нередко проникает непосредственно в «текстовое тело», становясь в нем своего рода конвенционально-узнаваемым эмблематическим знаком еврейской черты оседлости, как, предположим, в очерковом цикле Г. Иванова «По Европе на автомобиле» (1933–1934):

Ожидая сосисок из Ковно, я пошел пройтись. Была суббота. Сплошная густая толпа медленно двигалась по правой стороне главной улицы Шавель. Я вспомнил, как за несколько дней до объявления войны я так же гулял в субботний день в таком же еврейско-литовском городке Лиде. Ничего не переменялось с тех пор. И тот же прозрачный серо-синий с розоватым отливом воздух обнимает всё это.

«Особенный еврейско-русский воздух» ¹⁵.

Или в воспоминаниях Ф. Степуна:

В результате моего довольно долгого пребывания в черте оседлости во мне не только возникло чувство исключительной трагичности еврейской истории, но и зародился вопрос, не является ли

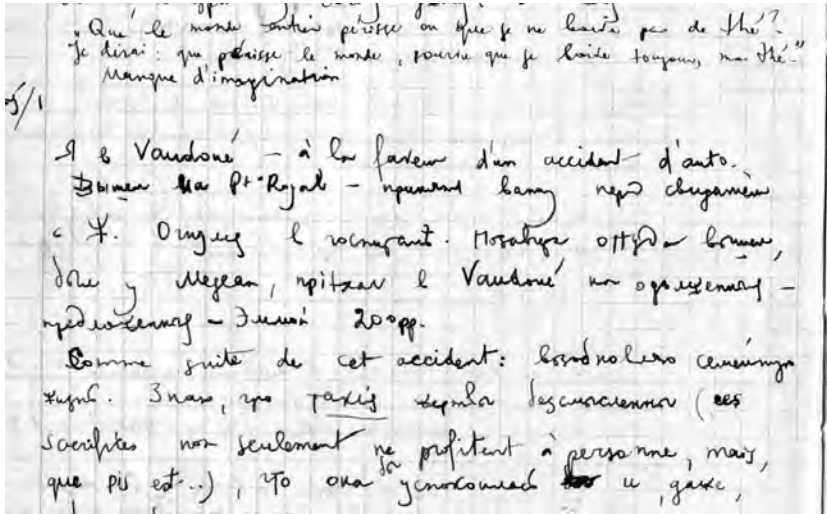
---

¹⁴ Об этом стихотворении всё тот же Г. Адамович писал: «Как здесь всё хорошо! Как много внутренней музыки в этих белых стихах, лишенных всякой декоративности и обычных словесных клише. Это уже не черновик, не “проба пера”, это, действительно, поэзия... Всё, что Кнут писал и печатал после “Похорон”, лишь подтверждало, что он нашел себя» (Последние новости. 1932. № 4040, 14 апр. С. 2). При всей известности, которой стихотворение пользовалось среди эмигрантов, не стоит, однако, путем ложных утверждений создавать ему недостоверно-преувеличенную славу, ср., например: ««Кишиневские похороны» Кнута (чаще их называют по первой строке “Я помню тусклый кишиневский вечер...”), с точки зрения выдающегося литературоведа (и поэта) Георгия Адамовича, – лучшее стихотворение в русско-еврейской литературе XX века. <...> Написанное в 1929 году в Париже, стихотворение получило мировую известность: его перевели вначале на французский, а позже на другие европейские языки, оно вошло во все антологии зарубежной русской поэзии» (*Гейзер М.* Сплетение миров: Заметки о жизни и творчестве Довида Кнута // Лехаим (Москва). 2003. № 4. С. 40. URL: <https://lechaim.ru/ARHIV/132/imena.htm>). Г. Адамович не писал о том, что «Кишиневские похороны» – «лучшее стихотворение в русско-еврейской литературе XX века»; мировая известность кнотовского текста полностью лежит на совести автора этого гиперболизированного и абсолютно бездоказательного замечания; из переводов данного стихотворения на другие языки известен лишь английский перевод «A Kishinev Burial», выполненный М. Шпраером (*An Anthology of Jewish-Russian Literature: Two Centuries of Dual Identity in Prose and Poetry* <In two vol.> / Ed., selected, and co-translated, with introductory essays by Maxim D. Shrayer. New York: M. E. Sharpe, 2007. P. 452–454); «Кишиневские похороны» действительно представлены в большинстве антологий эмигрантской поэзии, однако далеко не во всех: так, они отсутствуют в послевоенной «Эстафете» (Париж; Нью-Йорк, <1948>) или в «Содружестве» (Вашингтон: Изд-во V. Kamkin, 1966), в котором стихов Кнута вообще нет.

¹⁵ *Иванов Г.В.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Согласие, 1994. Т. 2: Проза / Сост., подгот. текста Е.В. Витковского, В.П. Крейда; коммент. В.П. Крейда, Г.И. Мосешвили. С. 328–329.

Еврейский запах нищеты и пота,
Селедки, моли, жареного лука,
Священных книг, пеленок, синагоги... (Довид Кнут)

бытовым осадком раздирающей душу еврейства борьбы между призванностью ко вселенскому делу и узким национализмом¹⁶.

Дневник Д. Кнута. Запись от 5 января 1935 г.

Нельзя сказать, чтобы «труды и дни» Кнута остались без исследовательского внимания: ему посвящены две монографии¹⁷, издан двухтомник его текстов и писем¹⁸. И всё же публикация кнотовского литературного и эпистолярного наследия и, соответственно, его изучение далеки даже от относительной полноты. Справедливость данного утверждения становится особенно очевидной в свете того, что нам удалось обнаружить в Израиле неизвестную до нынешнего времени часть архивного собрания этого талантливого художника слова, в которой имеется немало принадлежащих ему поэтических, прозаических и даже драматургических текстов (о Кнута-драматурге до сих пор ничего известно не было); обширный, охватывающий несколько десятилетий, дневник; огромное количество черновых записей; не

¹⁶ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся: [В 2 т.]. Изд. 2-е. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1990. Т. 1. С. 129.

¹⁷ Хазан В. Довид Кнут: Судьба и творчество. Lyon: Centre d'Études Slaves André Li-rondelle; Université Jean-Moulin, 2000; Федоров Ф.П. Довид Кнут. М.: МИК, 2005.

¹⁸ Кнут Д. Собрание сочинений: В 2 т. / Сост. и коммент. В. Хазана; Вступ. ст. Д. Сегала. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 1997–1998.

предназначавшихся для печати, однако не лишенных интереса эпиграмм и пр. Из этого обилия разнообразных материалов для данной публикации отобрано несколько писем, адресованных Кнуту известными деятелями русской эмиграции, а также теми, чьи имена ни о чем, наверное, не скажут широкому читателю, однако связанные с ними документы важны для установления некоторых новых фактов кнutowской биографии. Помимо этого в настоящую подборку включены письма Кнута к обеим женам – первой (Саре-Софье Грабойс) и второй (Ариадне Скрябиной).

Все письма приводятся по автографам из собрания публикатора, именуемого далее НАК (новонайденный архив Кнута). Письма печатаются с соблюдением современных орфографических норм.

1. «...поэт подлинный, прирожденный»

Письмо Г.В. Адамовича

Георгий Викторович Адамович (1892–1972) – поэт, литературный критик, переводчик, беллетрист, публицист. Не считая отдельных, менее развернутых высказываний о Кнута и его поэзии, Адамович явился автором трех рецензий на сборники его стихов. В его рецензии на три новые поэтические книги, увидевшие свет в 1932 г. – кнutowские «Парижские ночи», «Верность» Ю. Мандельштама и «Горький цвет» Ю. Карелина, говорилось:

Новый, только что вышедший сборник Кнута «Парижские ночи» – книга небольшая. Но, бесспорно, это один из самых ценных сборников, появившихся за время эмиграции, – один из самых чистых, честных и глубоких.

Давая почти безоговорочно высокую оценку стихам Кнута, собранным в «Парижских ночах», и в особенности выделяя среди них, как было сказано выше, «Кишиневские похороны»¹⁹, Адамович закруглял рецензию на максимально сочувственной ноте:

<...> стихи Кнута – менее всего стихи декадентские. В них нет ни эгоистической позы, ни самолюбования. Они в самой основе своей серьезны и как бы «социальны». Оттого тема одиночества и звучит в них трагически: разъединение людей поэт воспринимает как нечто в высшей степени тягостное. Он не знает, как от этого несча-

¹⁹ Это стихотворение, пожалуй, лучшее из всего написанного Кнута, критик оценил еще раньше – в рецензии на 41-ю книжку «Современных записок» за 1930 г. (Последние новости. 1930. № 3249, 13 февр. С. 3).

ствия уйти, но его влечет к миру, и он ищет связи с ним. Есть в стихах Кнута какая-то скрытая, неистощимая лучистая энергия... Старинный критик сказал бы: «душевная теплота» – и, в сущности, был бы прав²⁰.

Среди дневниковых записей Ант. Ладинского, относящихся именно к тому периоду, когда книга стихов Кнута увидела свет, имеется одна, от 29 марта 1932 г., в особенности любопытная:

Р. рассказывал мне, что молодой поэт К<нут>, недавно выпустивший свою книгу, написал критику А<дамовичу>: «Дорогой друг, я был бы счастлив, если бы я мог дать вам займы денег». Вот нравы²¹.

Под «Р.» почти наверняка имеется в виду Н. Рейзини²², который впоследствии, через много лет, несколько иначе рассказывал об этом эпизоде:

²⁰ Последние новости. 1932. № 4040, 14 апр. С. 2.

²¹ РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 2. Ед. хр. 25. Л. 25 об. Ср. с тем, что он писал в дневнике позднее, 13 января 1933 г., намекая, по всей видимости, на ту же историю или сплетню: «...но и про него (Д<овида> К<нута>) я тоже знаю вещи не весьма джентльменские, вроде письма Адамовичу» (Там же. Л. 66).

²² Николай Рейзини (собств. Наум Георгиевич Рейзин; 1905–1979?) в разные эпохи своей жизни выступал под разными социальными масками: литератор (живя в Париже, был участником объединения писателей-эмигрантов «Кочевье», например, рецензировал 39-ю книжку «Современных записок» [Воля России. 1929. № 7, июль. С. 106–113], участвовал в вечере устных рецензий, где говорил о романе Ю. Олеши «Зависть» [Воля России. 1929. № 8/9, авг.–сент. С. 206]), международный авантюрист, биржевой игрок, торговец оружием и наркотиками, превратившийся в конце концов в американского миллионера. В довоенное время был одним из создателей журнала «Числа» (*Шаховская 3*. В поисках Набокова. Отражения. М.: Книга, 1991. С. 155); ср. в дневнике Ант. Ладинского (запись от 15 мая 1932 г.): «— Почему “Числа” так странно называются? — спросил кто-то. — Потому что их задумали два нуля, Оцуп и Рейзини, — ответила Одоевцева. Рейзини ей отомстил: в газете “Сегодня” появилось “интервью” с Ирин<ой> Одоевцевой, уехавшей в Ригу к умирающему отцу. К заглавию интервью “Ир. Одоевцева о парижских людях” Р<ейзини> прибавил “или папаша при смерти”» (РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 2. Ед. хр. 25. Л. 43 об.; по всей видимости, имеется в виду заметка К.А. Верховского, см.: *Ku-Pa* [К.А. Верховской]. Ирина Одоевцева рассказывает о себе и о Париже // Сегодня вечером (Рига). 1932. № 127, 9 июня. С. 3). См. еще одну небезынтересную запись о Рейзини в том же дневнике (от 5 января 1932 г.): «Был с Т<атьяной> (подруга Ладинского. – В.Х.) и с Рейзини в “Соцполе”. Он собирается жениться. Кажется, это единственная возможность поправить его запутанные делишки. Но за невестой вместо ожидаемого миллиона – 100.000. Пока в счет будущего приданного он заказывает себе костюм и даже берет у того же портного деньги в долг. Интересно, чем кончится эта история. Невеста (разводка) мила, но немолода и красотой не блещет» (РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 2. Ед. хр. 25. Л. 2 об.). Тот же Ладинский посвятил Рейзини стихотворение 1928 г. «Средь приключений и романов...» (Воля России. 1929. № 5/6, май–июнь. С. 36). Во время Гражданской войны в Испании Рейзини под фамилией Рейзен (возможно, его настоящая фамилия) занимался поставкой на греческих судах оружия генералу Франко. Его скандальное дело прогремело на всю Европу. Вот что говорилось о нем в заметке «Авантюрист Николай Рейзен»: «В течение недели в греческом парламенте обсуждалось скандальное “дело Рейзена”. Несмотря на усилия министров замять это дело, в прениях выяснилось, что международный аферист Николай Рейзен, который во время гражданской

Проиграли с Г.В. <Адамовичем> всё. Уже утро. Не на что заказать кофе. Пошел в магазин или мастерскую Довида Кнута²³, а Г.В. велел прогуливаться издали. Говорю Кнуту: «Хотите, чтобы о вашей новой книге отозвался Адамович?» – «Ой, хочу...» – «Выйдемте, я вам что-то покажу». – «Что же вы мне покажете?» – «Кто там гуляет?» – «Ой, Адамович гуляет...» – «Не подходите к нему, я всё объясню, дайте 50 франков». – Кнут дал²⁴.

Насколько эта история – приобретение Кнудом положительного отзыва, судя по всему, на «Парижские ночи» – соответствует реальности, установить, по-видимому, уже никогда не удастся. Сильное недоверие, однако, вызывает передаваемая мемуаристом – кстати сказать, евреем по рождению – кнудовская интонация, стилизованная под классический тип «запуганного еврея». Эти забавно звучащие в устах Кнута пугливо-радостные «ой»: «Ой, хочу», «Ой, Адамович гуляет...», – мало подходят ему, человеку далеко не робкого десятка, и явно взяты напрокат из антисемитского беллетристического потока – анекдотического представления о евреях как об исключительно ловком меняле и торговце, чье неизменно коммерческое *sredo* про-

---

войны в Испании поставлял на греческих судах оружие Франко, затем занимался торговлей опиумом и другими делами в Данциге, Харбине и других местах, а во время последней войны сотрудничал с японцами и числился в черных списках США, получил греческое подданство. Рейзен прибыл в Грецию из Шанхая три месяца назад и вел переговоры с министром авиации относительно основания “греческой” авиационной компании, а также совещался с министрами Гонатасом и Мавромихалисом. Хотя греческое министерство иностранных дел имело сведения о том, что Рейзен сотрудничал с японцами, оно в течение десяти дней выдало ему служебный заграничный паспорт, после чего Рейзен выехал в Соединенные Штаты в роли экономического советника правительства» (Русские новости. 1946. № 81, 29 нояб. С. 2). В дополнение к своим талантам Рейзини был способным имитатором-пародистом. В. Сосинский называл его «зарубежным Ираклием Андрониковым» и в своих воспоминаниях рассказывал, что он «удивительно точно» изображал супружескую пару Гингера и Присманову (*Сосинский В.* Конурка (Об Алексее Ремизове, Александре Алексине, братьях Модильяни и других) / Публ. С. Сосинского-Семихата // Вопросы литературы. 1991. № 6. С. 194). Под фамилией Рагдаев Рейзини выведен в прозе В. Варшавского. Касаясь рассказа «Отрывок», в котором он появляется у В. Варшавского впервые, Г. Адамович, близко друживший с Рейзини, писал Ю. Иваску 7 июля 1954 г.: «Мне жаль только, что Варшавский вывел с презрением и злобой человека, который этого не заслужил. Портретность очевидна с первого слова» (Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Предисл., публ. и коммент. Н.А. Богомолова // Диаспора: Новые материалы. Вып. 5. СПб.: Феникс, 2003. С. 424).

²³ То есть в мастерскую по расцветке тканей, владельцем которой был Кнут. Современные комментаторы, кстати сказать, на этом основании ошибочно утверждают, что Кнут «был также и художником» (*Берберова Н.Н.* Курсив мой: Автобиография / Вступ. ст. Е.В. Витковского; коммент. В.П. Кочетова, Г.И. Мосешвили. М.: Согласие, 1996. С. 663). Художником Кнут не был – дело он вел, опираясь исключительно на свою специальность химика, полученную в начале 1920-х гг. в университете города Кан.

²⁴ Проект «Акмеизм» / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова // Новое литературное обозрение. 2002. № 58. С. 168.

фанирует и разлагает самый дух «святого искусства». Да и трудно поверить, чтобы Адамович лишь после того, как положил в карман пятидесятифранковую купюру, писал о Кнута, призывая в качестве референта лермонтовский образ:

<...> поэзии Кнута «без волнения внимать невозможно». Ее искренность примиряет с тем, что есть в ней спорного. Живая воодушевляющая тоска о совершенном, счастливом, прекрасном и праведном мире в поэзии этой тем явственнее, чем глуше становятся ее полубормотания, полужаклинания²⁵.

Написано это, правда, несколько позднее, после выхода в свет следующего сборника Кнута «Насущная любовь» (1938). Однако общественное мнение о масштабах его поэтического дарования сложилось гораздо раньше и имело достаточно укорененный в литературной среде и, уж во всяком случае, не подкупной характер.

На «Насущную любовь» Адамович отозвался одним из первых. Назвав автора *поэтом подлинным, прирожденным*, он подчеркнул в этой книге черты «статичного» повествования – переплетающиеся между собой лирические сцены и мотивы, как бы создающие в результате единый сюжет «романа-исповеди». Подчеркивая эту особенность новой книги стихов, он писал в своем отзыве:

Сборник стихов Довида Кнута «Насущная любовь» можно читать как повесть или роман, настолько переплетены в этих стихах мотивы, постоянно возвращающиеся и друг друга дополняющие. Правда, как роман без действия. Зато такой, где психологический рисунок вполне ясен, а откровенность в определении порывов и желаний доведена до фотографической наглядности. Бывают «романы-реки», бывают и «романы-исповеди»: лирическому поэту доступен, конечно, лишь этот, второй жанр²⁶.

Наконец, в рецензии на последний сборник Кнута, «Избранные стихи», увидевший свет в Париже в 1949 г., перед самым отъездом поэта в Израиль, Адамович писал:

В *Избранных стихах* Довида Кнута представлено всё лучшее, что написано им за четверть века. Книга стройна и в развитии своем последовательна как повесть. Каждое стихотворение Кнута живет отдельной своей жизнью, но при этом каждое из них дополняет пре-

²⁵ Адамович Г. Литературные заметки // Последние новости. 1938. № 6179, 24 февр. С. 3.

²⁶ Там же.

дыдущее и как бы подготавливает или объясняет дальнейшее. В книге отражена личность, в книге есть голос. Короче и проще: в книге есть человек²⁷.

Денежные расчеты между Адамовичем и Кнутом, как показывает публикуемое ниже письмо, и в самом деле существовали, но они вовсе не носили той карикатурной формы, которая им приписана в приведенном мемории Рейзини. Судя по содержанию, речь идет о каком-то карточном проигрыше Кнута и попытке Адамовича поправить его финансовые дела²⁸. Кроме того, в письме имеется любопытное указание на одну из творческих граней Кнута – переводческую²⁹ (имеются в виду его переводы с русского на французский язык), о чем, кроме глухих и не очень частых упоминаний, практически ничего не известно.

Итак, в письме, находящемся в составе НАК, Адамович писал:

Дорогой Давид Миронович

Я чувствую какой-то грех перед Вами – и не знаю точно, какой.

Сейчас я пишу Я.Я. Кобецкому насчет Кассы Взаимопомощи³⁰.

Простите, что с опозданием.

Пишу я ему вот что: пусть они дадут ссуду Вам, удерживая у меня по 25 фр<анков> в неделю. Думаю, что это можно. Я не могу взять для себя по двум причинам: 1) я не имею права на это до 5-го февраля, т. к. нужен двухмесячный срок с прошлой ссуды, и Кобецкий это обнаружил бы при подсчете! 2) мне нужно платить 5-го или 6-го вексель в 650 фр<анков> – и мне ссуда будет необходима лично. Voilà. Но надеюсь, выйдет так, как я предлагаю. Имейте в виду, что А.А. Поляков³¹ – председатель Кассы, и поговорите с ним, в случае чего.

С грустью вижу, что Ваши письма не появляются. М<ожет> б<ыть>, нужно будет придумать что-нибудь новое.

²⁷ Адамович Г. Четыре поэта // Русские новости. 1949. № 215, 15 июля. С. 4; кроме «Избранных стихов» Кнута в рецензии шла речь о «Деньке» Ю. Одарченко, «Соли» А. Присмановой и «В потоке света» В. Мамченко.

²⁸ О Кнута – карточном игроке какие-либо подробные сведения отсутствуют. Хотя, по-видимому, эта страсть не была ему чужда, на что намекает и его рассказ «Дама из Монте-Карло» (1938), и сохранившееся письмо А. Гингеру от 19 ноября 1932 г., в котором он покаянно просит у приятеля прощения за «позорную историю» – проигрыш не только своих денег, но и 200 «гингеровских» франков, приготовленных для возвращения долга (Кнут Д. Собрание сочинений... Т. 2. С. 346).

²⁹ Речь идет о его переводах с русского на французский язык, инициатива которых, по крайней мере частично, исходила от Адамовича (см. ниже).

³⁰ Яков Яковлевич Кобецкий (1883–1945) – журналист, общественный деятель, до эмиграции банковский работник. Работал в редакции газеты «Последние новости», организовал там кассу взаимопомощи, о которой и идет речь.

³¹ Александр Абрамович Поляков (1879–1971) – в 1922–1940 гг. секретарь редакции «Последних новостей».

Дорогой
Саша Мирончик

Я публикую кое-то про себя
Вам - и не много можно, какой.
Сейчас я пишу ф. ф. Кобылкому на счет
Кассы Асамоловых. Просит, что с
определением.

Письмо я ему пишу так: пусть
они дадут суду Вам - федерации у
меня по 25 гр. в неделю. Думаю, что
это лучше. Я не могу взять для себя
по двум причинам: 1) я не имею права
на это до 1-го февраля - и.к. у меня
двухмесячный срок с момента суда, а
Кобылки это абсолютно не приподнимет!
2) мне нужно написать 5^ю или 6^ю версию
к 610 гр. - и мне суда будет необходимо
лично. Вот так. Но надеюсь, выйдете вы,
как я надеюсь. Хотите в вид, что
А.А. Погорель - председатель Кассы и авторитет
с ним, в суд же.

Письмо Г. Адамовича Д. Кнуту

Но ради Бога, не бросайте перевода. По приезде в Париж я передам Вам полностью свой бумажник и кошелек – и буду у Вас просить на метро.

До свидания. Очень искренно желаю Вам выпутаться из трудных дел – или, вернее, отсутствия дел. И не опускайте понапрасну чемодан в грязь!

Только не играйте. Всё, что было до игры, кажется пустяками, раем и красивой жизнью – после игры. Но это, впрочем, знаете сами.

До свидания. Я буду в Париже дней через 10–12.

Ваш Г. Адамович

6, avenue Gustave Nadaud
Cimiez
Nice (А.М.)

16/I–1936

О каких письмах идет речь и где они должны были появиться, установить не удалось. Однако весьма вероятно, что речь идет о какой-то переводческой работе, к которой Адамович привлек Кнута. В дневнике последнего имеется запись от 26 мая 1935 г., в которой говорится: «Возвращаясь, встретил Адамовича. Говорили о Башк<и-рове>³². Предлагает перевод»³³. По-видимому, Адамович предлагал осуществить перевод романа Е.В. Бакуниной «Любовь к шестерым» на французский язык, см. далее запись от 6 июня 1935 г.: «Сегодня отнес Адам<овичу> перевод двух страниц “Любви к шестерым”. Дал еще 5 стр<аниц>»³⁴.

2. «Мучительно открыть в себе злодея...»

Письмо М. Алейниковой

Мирьям (Маруся, Мария) Семеновна Алейникова (1889–1966), профессиональная пианистка, сестра известного сионистского деятеля Михаила Семеновича Алейникова (1880–1938), высшее образование получила в Лозаннском университете, где входила в Союз студентов-сионистов, выходцев из России³⁵. После репатриации в Палестину поселилась в Хайфе, где была одним из основателей хайфского отделения Палестинского симфонического оркестра³⁶. В течение ряда лет преподавала в Хайфском музыкальном училище³⁷.

³² Борис Николаевич Башкиров (псевдонимы: Верин, Алтаир; 1891–?) – поэт из окружения И. Северянина, участник его поэзоконцертов. В 1919 г. эмигрировал из Петрограда в Финляндию, жил в Гельсингфорсе. Затем благодаря стараниям его близкого друга композитора С.С. Прокофьева переехал во Францию, жил в Париже и на снятой Прокофьевым даче в окрестностях Нанта. Оттуда отправился в Америку к своему брату, крупному бизнесмену В.Н. Башкирову. В 1922 г. вместе с Прокофьевым вернулся в Европу и поселился в Германии, под Мюнхеном. Впоследствии переехал в Париж, где работал шофером такси. Изредка появлялся на страницах журнала «Иллюстрированная Россия» и во французской периодической печати. Принимал участие в создании Русской фашистской партии. Ср. запись в дневнике Кнута от 13 мая 1935 г.: «В пятницу всю ночь гулял с Башкировым (до 5 ут<ра>). Темы: фашизм, сионизм, позиция еврейства. Было интересно подтверждение второсортности евр<ея->гражданина» (*Хазан В.* «Некая бухгалтерия жизни»: Дневник Довида Кнута 1934–1937 // Новый журнал. 2014. № 274. С. 173).

³³ *Хазан В.* «Некая бухгалтерия жизни»... С. 204.

³⁴ Там же. С. 206.

³⁵ См. фотографию, где она запечатлена в группе членов этого Союза вместе с еврейским писателем Менделе Мойхер-Сфоримом (1906): *Zenziper A. (Rafa'eli)*. Paamey ha-geula: Sefer hatsionut harusit. Tel Aviv: Sfarim N. Tversky, 1951. Am. 197.

³⁶ The Palestine Post. 1938, June 17. P. 2.

³⁷ Ha-boker. 1949, June 26. Am. 4.

Много сил и времени посвящала организации просветительской работы. В архиве известного историка философии, культуролога, художественного критика, музыканта и музыкального педагога Евсея Давидовича Шора (1891–1974), поселившегося в Палестине в начале 1935 г. и активно включившегося в лекционно-культурную деятельность, сохранилось два его письма к Алейниковой (вторые машинописные экземпляры) и столько же Алейниковой к нему³⁸, которые – из-за крайнего дефицита других сведений об адресате – имеет смысл привести полностью. 19 марта 1936 г. Шор писал Алейниковой из Тель-Авива в Хайфу, где он незадолго до этого читал лекцию о Л. Толстом:

Многоуважаемая Мария Семеновна,

по приезде своем в Тель-Авив я еще раз просмотрел внимательно программу моих лекций и решил ее немножко упростить. Посылаю Вам ее в новой редакции и буду очень рад, если Вам удастся быть в одну из сред в Тель-Авиве.

Мне было бы очень приятно прочесть в Хайфе, в конце апреля или начале мая, еще одну лекцию. Темой ее могла бы быть либо одна из тем моего цикла; может быть, тема первой лекции: «Гибель Запада, судьба России и будущее Палестины» – так, как я ее сформулировал в старой программе; либо можно было бы прочесть лекцию снова о Толстом на тему «Трагедия Толстого», дать общий обзор его творческого и духовного пути. Буду Вам очень признателен, если Вы обсудите с Вашими друзьями этот вопрос.

Во всяком случае мы ждем Вас и Вашего брата к себе, на Пинскер 20. Когда будете в Тель-Авиве, непременно заезжайте к нам.

Шлю Вам и Михаилу Семеновичу наши самые сердечные приветы.

Искренне преданный Вам

<Е. Шор>

Лекции, которые Шор предлагал прочитать, не состоялись из-за начавшихся арабских беспорядков, и больше года спустя, 16 апреля 1937 г., он вновь обратился к Алейниковой с предложением вернуться к прерванному предприятию:

Многоуважаемая Мария Семеновна,

около года тому назад, после моей лекции о Толстом, в организации которой Вы любезно приняли такое деятельное участие, мы бе-

³⁸ National Library of Israel. Dept. of Manuscripts and Rare Books. Arc 4° 1521/358.

седовали с Вами о возможности дальнейших чтений. Беспорядки помешали осуществлению этих предложений. Быть может, теперь возможно было снова подумать об этом.

Если в Ваших кругах в Хайфе есть интерес к Пушкину, то я с удовольствием прочел бы лекцию о нем. Темой могло бы быть либо «Личная драма Пушкина», либо «Пушкин и Достоевский».

Был бы Вам очень признателен, если Вы взяли бы на себя инициативу в этом деле. Я буду очень рад, если лекция о Пушкине доставит мне возможность повидаться с Вами, с Михаилом Семеновичем и Вашим кругом.

С сердечным приветом и искренним уважением

<Е. Шор>

Мой новый адрес: Бен-Егуда 159. Телефон 3327.

10 мая Алейникова отвечала на это письмо:

Многоуважаемый Евсей Давидович,

Простите, что я так долго не отвечала на Ваше письмо. Я была очень занята всякими делами, а кроме того, я всё время подыскивала подходящее место для Вашей лекции. Сначала я думала устроить ее у нас, но, к сожалению, из-за моего брата, который занимает такое общественное положение, как председатель Vaad Nadar Hасarmel³⁹, неудобно в его квартире устраивать лекцию на русском языке. И вот мы с Марией Израилевной Мюллер начали подыскивать другое место и решили устроить это на Кармеле в доме нашей знакомой Мме Каган. У нее имеется пансион, и места много.

Теперь о времени. Лучше всего устроить лекцию в субботу после обеда, когда все свободны, и наши хайфцы любят этот день проводить на Кармеле. В какую субботу Вы могли бы приехать? Я лично думаю, что было бы неплохо это устроить 29-го мая, и я думаю, что у нас тогда будет достаточно времени послать пригласительные билеты. Если же Вам почему-либо неудобен этот день, то отложим на начало июня.

Буду ждать Вашего ответа. А пока шлю Вам и Вашему отцу⁴⁰ мой сердечный привет, также от моего брата.

М. Алейникова

«Личная драма Пушкина» публике будет интересней, чем «Пушкин и Достоевский».

³⁹ Совет по административному управлению одного из районов Хайфы – Nadar Hасarmel.

⁴⁰ Давид Соломонович Шор (1867–1942) – пианист, музыкальный педагог и культурно-общественный деятель; создатель (1892) знаменитого «московского трио», в которое входили скрипач Д. Крейн и виолончелист М. Альтшулер (впоследствии Р. Эрлих). В 1927 г. поселился в Палестине, где основал Институт музыкального просвещения и образования.

Во втором письме Алейниковой Шору год не указан, но поскольку в качестве даты проведения его лекции названо 29-е число (а само оно датировано 24 мая), очевидно, правомерно отнести его к тому же 1937 г.

Алейникова похоронена на хайфском кладбище Hof Hacarmel рядом с братом. Сведения о том, где и когда она познакомилась с Кнутом, отсутствуют, однако, как вытекает из публикуемого ниже письма, они хорошо знали друг друга. Поводом к его написанию послужило малоджентльменское поведение Кнута, не явившегося на вокзал проводить Алейникову, которая оказалась в Париже. Более того, в качестве оправдания он привел какую-то явно надуманную историю таинственно-мистического свойства, чем вызвал у автора письма еще большее удивление и досаду. Итак, Алейникова писала Кнуту:

Ob<erer> Graben 46 St. Gallen⁴¹
1-8.<19>39

Я тоже ничего не понимаю, милый Давид Миронович, и это скорее у Вас я должна спросить, что случилось.

Никто от моего имени Вам в редакцию⁴² не мог звонить, т.к. я никому ничего не поручала Вам передать. Накануне моего отъезда, т.е. 7-го <июля>, в пятницу вечером, я Вам сама звонила, и подошла сначала Ваша жена, а потом позвала Вас, и я с Вами говорила, и Вы сказали, что придете меня провожать на вокзал. На другой день в 2 часа дня я уже была на вокзале и полчаса Вас напрасно ждала. И вместо того, чтобы извиниться передо мною, что не смогли приехать, Вы вдруг пишете мне про какую-то необыкновенную историю с телефоном, о каком-то таинственном голосе и т.п. Очень, очень странная вещь, и я ничего не понимаю...

Я послала вырезку из газеты уже давно и очень удивляюсь, что только несколько дней тому назад Вы ее получили. Я Вам умышленно ничего не приписала, т.к. была обижена Вашим невниманием.

И вовсе я таинственно не исчезла и накануне вечером с Вами попрощалась по телефону. Как видно, у Вас очень, очень короткая память и большие фантазии...

Я здорова, отдыхаю, гуляю, читаю, играю на рояле и в конце сентября собираюсь домой, в Палестину.

⁴¹ Письмо написано из города Санкт-Галлен, расположенного недалеко от Констанцкого (Боденского) озера на северо-востоке Швейцарии, где в это время отдыхала М. Алейникова.

⁴² Имеется в виду редакция франко-еврейского еженедельника «Affirmation», см. о нем: *Хазан В.* Довид Кнут... С. 98–100.

Возможно, что буду в Женеве на конгрессе⁴³.

В Париже быть больше не собираюсь, а я, если даже была бы, то весточку о себе не дала. Странная и таинственная и фантастическая история...

Привет Вам и Вашей жене.

М. Алейникова

По-видимому, сам Кнут испытал от произошедшего острый укол совести, выразившийся в обращенном к Алейниковой – пусть и прикрытом шутовой интонацией – эпиграмматическом акростихе «Марусе А.», в котором начальные буквы каждого стиха складываются в имя-посвящение: Марусе (этот текст, как и другие кнотовские опыты в области акростихов, остался неопубликованным и отложился в НАК).

Марусе А.

Мучительно открыв в себе злодея,
 Антихриста с рожками, Асмодея,
 Признаюсь я: мне совестно, Madame!
 Укрыться негде, защищаться нечем,
 Снедает стыд, сгрызает мне он печень,
 Еще немного и – концы отдам.

Несколько месяцев спустя, 18 апреля 1940 г., он писал своей близкой приятельнице Е. Киршнер, репатриировавшейся в Палестину:

Рядом живет (10 или 12 <Avenue Jerusalem, Tel Aviv>) моя пятидесятилетняя приятельница Алейникова, которую я, впрочем, чудовищно обидел в Париже. Если ты на нее наткнешься, рискни – передай сердечный привет. Но береги драгоценную головку от цветочного или иного какого-нибудь горшка⁴⁴.

3. «Я была бы очень рада познакомиться с Вами»

Письмо Е.Э. Беленсон

Крайне мало известно о переводчице русской литературы и философских сочинений на французский язык и религиозно-обще-

⁴³ Речь идет о 21 сионистском конгрессе, проходившем в Женеве с 16 по 25 августа 1939 г. Кнут и Скрябина присутствовали на нем, см. сохранившуюся фотографию, сделанную в дни его проведения, на которой запечатлены Кнут, Д. Текучиано (вице-президент Союза еврейской молодежи во Франции), Е. Киршнер и Скрябина (*Кнут Д. Собрание сочинений...* Т. 1. С. 203 об.). Судя по всему, М. Алейникова этот конгресс не посещала.

⁴⁴ *Кнут Д. Собрание сочинений...* Т. 2. С. 211.

ственным деятеле Елизавете Эммануиловне Беленсон (1887 – конец 1950-х?). Беленсон была старшей сестрой поэта и прозаика Александра Эммануиловича Бе(й)ленсона (1890–1949), подписывавшего свои произведения псевдонимом «Александр Лугин», – ей посвящен его «опыт гностического повествования» «Египетская предсказательница» (Пг., 1922; рис. Ю. Анненкова, марка Д. Бурлюка).

В 1919 г. Елизавета Беленсон эмигрировала из России в Германию, откуда перебралась во Францию. В Париже она входила в круг философа Н.А. Бердяева⁴⁵, печаталась в его журнале «Путь»⁴⁶ (крещеная еврейка, она оказалась одним из инициаторов создания при этом журнале иудео-христианского центра) и переводила на французский язык его статьи и книги: «Мир творчества» (*La Sens de l'acte créateur // Esprit*. 1948. № 8. P. 179–194), «О свободе творчества» (*De la liberté de l'acte créateur // L'Âge nouveau*. 1949. № 42. P. 8–13), сборник статей (*De l'esprit bourgeois: Essais / Introd. d'Eugène Porret*. Neuchâtel; Paris: Delachaux et Niestlé, 1949), брошюру «О самоубийстве» (*Le suicide: Étude psychologue*. Paris: Le Cerf, 1953), «Самопознание» (*Essai d'autobiographie spirituelle*. Paris: Buchet-Chastel, 1958). Издание переведенной ею на немецкий язык книги Бердяева «Новое средневековье» не состоялось. Некоторые свои тексты Беленсон подписывала псевдонимом «Эли Эльсон».

По всей видимости, о ней идет речь в следующем газетном объявлении (название газеты не установлено) под заголовком «Помогите!», подписанном Н. Бердяевым и С. Франком:

Обращаем внимание отзывчивых русских людей на безысходную нужду одной выдающейся по интеллигентности и одаренности русской женщины, лично нам хорошо известной. Нужда особенно настоятельна ввиду болезни и необходимости операции. Пожертвования просят направлять: N. Berdiaeff, 83, rue Moulin des Pierres, Clamart (Seine). Николай Бердяев, С. Франк.

⁴⁵ См., например, одно из упоминаний о ней в дневнике Л.Ю. Бердяевой-Рапп, жены философа: «Утром приехала Эли. Долго беседовали с ней на разные темы, больше о внутренней жизни. Ей живется по-прежнему очень трудно – нет работы. Перебивается изо дня в день с помощью друзей. [Но духом бодра и даже бывает веселой, что очень удивляет ее знакомых. Ежедневно бывает в церкви.] За это время она очень выросла духовно, несмотря на нищенскую жизнь» (*Бердяева Л.Ю. Профессия: жена философа / Сост., предисл. и коммент. Е.В. Бронниковой*. М.: Мол. гвардия, 2002. С. 46).

⁴⁶ Е. Беленсон опубликовала в «Пути» шесть статей: «Безумие и вера» (1926. № 2, янв. С. 137–138; под псевд. Эли Эльсон), «О подвиге юродства» (1927. № 8, авг. С. 89–98; в оглавлении: «О юродстве во Христе»), «Тайный Христос у евреев» (1928. № 13, окт. С. 87–92), «Путь неисповедимый (Мария де Валлэ)» (1929. № 17, июль. С. 96–103), «О женской католической мистике XIX–XX века» (1931. № 28, июнь. С. 69–86), «Призвание Израиля» (1936, нояб. – 1937, март. № 52. С. 56–66).

Объявление было вложено в письмо Л.Ю. Бердяевой другу их семьи, швейцарскому протестантскому философу-теологу, культурному и общественному деятелю Фрицу Либу (1892–1970); она писала (в подлиннике по-французски):

Дорогой Федор Иванович!⁴⁷ Посылаю Вам это объявление <...> Вы могли бы разослать несколько <...>, чтобы помочь этой больной, которая находится в бедственном положении. Мы очень хорошо знаем ее и пытаемся сделать всё возможное, чтобы помочь ей⁴⁸.

В НАК сохранилось короткое письмо Беленсон Кнуту, предлагающее знакомство и встречу. Письмо не датировано, однако по содержанию можно установить, что оно написано в ноябре 1929 г. Беленсон говорит о кнотовских «стихах в газете», в которых звучит еврейская тема. По-всей видимости, имеются в виду стихи, которые печатались в газете «Дни» в 1925–1926 гг., а затем составили «Вторую книгу стихов» Кнута. Беленсон пишет, что прочитала эти стихи 3 года назад, – стало быть, письмо ее относится к 1928 или к 1929 г. 10 ноября, когда она предлагает Кнуту ее посетить, приходилось на воскресенье в 1929 г.

8, rue François Villon III эт<аж>
Paris XV

Милый Довид Кнут!

Уже 3 года тому назад, прочитав Ваши стихи в газете, я хотела написать Вам. Это стихи «беспокойной о Боге», тоскующей по Истине еврейской души. Я была бы очень рада познакомиться с Вами. Хотите прийти ко мне в воскресенье 10 ноября в 4 часа? Если не получу отказа, буду ждать Вас, а пока шлю неизвестным образом привет!

Елизавета Беленсон

4. «...чувствую, как вам будет больно получить эту страшную весть»

Письма Д.Л. и А.С. Гликбергов

Журналист, предприниматель, общественный деятель, библиофил Даниил Львович Гликберг (1881–1952) был заметной фигу-

⁴⁷ Фрица Либа, большого знатока и ценителя русской культуры, его русские друзья именовали Федором Ивановичем.

⁴⁸ Янцен В. Письма русских мыслителей в базельском архиве Фрица Либа // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2001–2002 годы / Под ред. М.А. Колерова. М.: Три квадрата, 2002. С. 350. См. ее письмо тому же адресату от 11 декабря 1945 г., в котором она, отправляя статью Е. Беленсон, просит похлопотать о публикации в швейцарских журналах (Там же. С. 352).

рой в культурной жизни русского Парижа. Уроженец Одессы, он по окончании петербургского Технологического института два года (1905–1907) проработал как хроникер «Биржевых ведомостей», после чего занялся банковской деятельностью. Будучи неутомимым книголюбом и многолетним собирателем книжных раритетов, состоял членом Общества Друзей русской книги⁴⁹. Написал некролог банкира и мецената А.Ю. Доброго⁵⁰, позже включенный в мемориальное издание⁵¹. В годы оккупации немцами Франции Гликберг с женой скрывался на юге, см. в письме О. Марголиной-Ходасевич к Н. Берберовой от 23 августа 1940 г. :

С югом теперь никаких сообщений нет, да и мало кто уже возвращается. Должен вернуться Даниил Львович. Вернулся ли теперь, после событий Ch. Èlysées – я не знаю⁵².

С Кнудом, которого он высоко ценил как поэта, Гликберга скрепляла многолетняя дружба. Так, в одном из писем А.С. Гингеру (12 августа 1949 г.) Кнут сообщал, что «Д.Л. Гликберг, по старой дружбе, “распространил” немало книг: в Париже, в Нью-Йорке и в Лондоне»⁵³, имея в виду свою книгу «Избранные стихи». Да и, как вытекает из публикуемого ниже письма, Даниил Львович старался помочь поэту, когда тот находился уже в Израиле. Незадолго до смерти Гликберг стал председателем одесского землячества в Париже, о чем и сообщил в приводимом ниже письме, написанном всего лишь за две недели до внезапной кончины – он умер 21 марта 1952 г.⁵⁴ В стихотворном посвящении ушедшему Гликбергу Л.Д. Червинская писала:

На кладбище уже почти весна,
а на земле у вырытой могилы
лежат венки из жарких зимних роз,
и странная – как ночью – тишина.

⁴⁹ См.: Временник Общества Друзей русской книги. Вып. IV. Париж, 1938. С. 290.

⁵⁰ Последние новости. 1936. № 5648, 10 сент. С. 2.

⁵¹ Памяти Абрама Юрьевича Доброго. Париж: Кружок А.Ю. Доброго, 1939. С. 32–33.

⁵² *Khodasevich V., Margolina-Khodasevich O.* Unpublished Letters to Nina Berberova / Ed. by R.D. Sylvester. Berkeley, 1979. P. 103. На Елисейских полях в это время прошла массовая антисемитская демонстрация.

⁵³ *Кнут Д.* Собрание сочинений... Т. 2. С. 350.

⁵⁴ См. его некролог: Новое русское слово. № 14576, 23 марта. С. 1. Находившаяся в то время в США и прочитавшая этот некролог С.Ю. Прегель писала на следующий день А.В. Бахраху: «<...> развернула воскресную газету и сразу бросилось в глаза объявление о смерти Даниила Львовича Гликберга. Понимаю, что тебе уже сообщили, и представляю себе, как ты огорчен» (*Прегель С.* Разговор с памятью: Поэзия, проза, очерки и статьи: В 2 т. / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Хазана. М.: Водолей, 2017. Т. 2, кн. 1. С. 160).

Мы, отзываясь на чужое горе,
хороним мир отцов, родной и милый,
доверчиво не сдерживая слез.

О чем же было волноваться споря,
к чему стремиться столько долгих лет,
когда так ясно: смысла жизни нет,
как нету смысла воздуха и моря.
есть времени законное течение.
есть смерть-разлука. Замкнутость могил.

И есть непостижимость воскресенья
даже для тех, кто верит и любил⁵⁵.

Автором второго письма является жена Гликберга Анна Степановна (Стефановна; проживала в Париже по адресу: 16 rue Eugène Manuel, Paris 16e⁵⁶).

1

7.3.<19>52

Дорогой Кнут,

Я не ответил Вам, всё поджидая okazji на Израиль, чтобы послать костюм – посылкой Вы не хотели во избежание кражи! – но случая не было. Теперь едет Lucien⁵⁷, и я ему передам его для Вас. Вы сразу станете франтом, да, кроме того, материя англ<ийская> исключ<ительного> качества.

Кроме этого, я говорил о Вас тут с моим другом Tamperol из New York, который там занимается Одесским земл<ячеством>. Я же с недавнего времени возложил на свои старые плечи обязанности предс<едателя> одесск<ого> земл<ячества> во Франции. Считаю Кишинев сателлитом Одессы, полагаю, что Одесск<ое> земл<ячество> в N<ew> Y<ork>, располагающее долларами – и без плана Маршалла⁵⁸, может оказать Вам помощь как «земляку», не говоря уже о других Ваших титулах, заслуживающих внимания.

Надеюсь, что они пошлют Вам в ближайшее время 20 долларов. Я предпочел денежный перевод посылке, исходя из очень выгодного нового курса доллара в Израиле. Сообщите сейчас же по получении

⁵⁵ Червинская Л. Двенадцать месяцев. Париж: Рифма, 1956. С. 25.

⁵⁶ См.: Прегель С. Разговор с памятью... Т. 2, кн. 2. С. 1444.

⁵⁷ Неустановленное лицо.

⁵⁸ План Маршалла (Marshall Plan) – программа восстановления послевоенной Европы (European Recovery Program), выдвинутая в 1947 г. государственным секретарем США Джорджем К. Маршаллом.

всего для моей ориентации. Письмо это я также вручаю Люсьену, который улетает послезавтра.

Очень, очень был рад был <sic> узнать по-дружески, что у Ватания прекрасные отношения с молодой женой, особенно принимая во внимание разницу в возрасте⁵⁹. Из наших старых поэтов один только тот же Тютчев сумел сохранить до преклонного возраста юношеский пыл. Судьба других наших гениев, увы, была роковой и не позволила им испытать те чувства, когда

...полнеба обхватила тень

И лишь на западе брезжит сиянье...⁶⁰

Если Вы купили его стихи, то рекомендую среди других перлов прочесть его посвящение К.Б. (баронессе Крюденер, которую он не видал... 50 лет после встречи, когда ей было лет 18, а ему 23).

Я встретил вас, и всё былое

В ожившем сердце ожило,

Я вспомнил время золотое,

И сердцу стало так тепло.

И кончает он эти стихи:

...И то же в вас очарованье

И та ж в душе моей любовь...

Нужно было родиться 100 лет тому назад, в иной век, чтобы быть способным на такие чувства.

По газетам Вы знаете, что у нас жизнь запутанная, сложная, а будуще «angoissant»⁶¹.

Меня на моей «подмосковной»⁶² ограбили дочиста, так что сейчас едем на week end с грустью, перенося с собой всякий раз простыню, полотенца и даже пост radio. Стало неудобно там после этого ночного визита взломщиков, которые посетили дом в ночь после нашего отъезда в понедельник.

Но слава Богу – и Гитлеру: мы научились не придавать значения материальным потерям.

Бунинных не выдаю. Он лежит и хворает, а В<ера> Н<иколаевна> так же хлопотлива и набожна.

Всего хорошего. Привет Вашей мечте и ангелу⁶³.

Ваш Д. <Гликберг>⁶⁴

⁵⁹ По-видимому, этим арабским именем Гликберг в шутку называл Кнута, который был на 29 лет старше своей третьей жены Леи (Вергинии) Шаровской (род. 1929; в 1-м замужестве – Кнут, во 2-м – Арав); они официально оформили отношения в 1948 г. перед репатриацией в Израиль.

⁶⁰ Из стихотворения Ф. Тютчева «Последняя любовь» (1851–1854); в оригинале: «бродит сиянье».

⁶¹ тревожно, мучительно (*фр.*).

⁶² Гликберг в шутку называл свой дом под Парижем «подмосковной дачей».

⁶³ Т.е. молодой жене.

⁶⁴ Рукой Кнута: «Ответ 15.3.<19>52. Люсьен обещал в след<ующий> приезд. Спасибо за инициативу америк<анскую>: у жены <угол страницы оторван> Тютчев и еще. Обнимаю Вас».

То ли Кнут отказался от предложенной Гликбергом американской помощи, то ли из нью-йорского Одесского землячества ему сообщили, что у них заведено оказывать материальную поддержку не деньгами, а продуктовыми посылками, но в письме Г. Тарнополю он, по-видимому, сообщал, что их экономическое положение в Израиле постепенно выправляется и необходимость в продуктовой посылке отпадает. В архиве Кнута сохранилось ответное письмо от Г. Тарнополя следующего содержания (отпечатано на машинке на почтовой бумаге Одесского землячества):

Fellows of Odessa, Inc.
Одесское землячество
124 West 72 Street, New York 23, N.Y.

June 8, 1954

Mr. David Knut
Bitsaron A,
ap. 68 b
Tel Aviv

Dear Mr. Knut,

Thank you so much for your letter of May 22.

We all, of our committee, are glad to hear about your improved situation and we appreciate your frank statement.

We hope this situation will improve even more, so that our parcels can be sent to other friends.

Very truly yours,

G. Tarnopol

(G. Tarnopol, President of the Relief Committee)⁶⁵

2

13–6–1952

Дорогой Кнут, чувствую, как вам будет больно получить эту страшную весть: ушел от нас навеки ваш верный друг – Даниил Львович Гликберг.

---

⁶⁵ Дорогой господин Кнут,

Большое спасибо за Ваше письмо от 22 мая.

Все мы, члены комитета, рады слышать, что Ваше положение улучшилось, и ценим Ваше прямое заявление.

Надеемся, что положение станет еще лучше и мы сможем отправлять посылки другим друзьям.

Искренне Ваш,

Г. Тарнополь

(Г. Тарнополь, президент Комитета помощи) (англ.).

Вы знаете, что́ унес с собою этот светлый человек, какую сокровищницу ума и сердца.

Знаю, что вы плачете со мной...

Об его последнем дне, полном веселья, интереса к людям, к животным, ко всему прекрасному, – напишу вам в другой раз. Может быть, и вы найдете в этом то утешение, которым друзья стараются облегчить мои страдания.

Но мне не жаль себя. Не могу справиться только с сознанием, что это юношеское сердце не насладится больше солнцем, цветами, новыми знаниями, радостью от творимого вокруг себя добра...

Искренне ваша Анна Гликберг

20-го июня уезжает в Тель-Авив Сара Гостинская⁶⁶ – даю ей ваш адрес, по приезде она сейчас же вам даст знать и передаст пакет для вас⁶⁷.

5. «Сарра, мой мед...»

*Обмен письмами между Кнута
и его первой женой. Два письма Я.М. Грабойса*

О первой жене Кнута – Саре(Суре)-Софье Мееровне Грабойс (Гробойс⁶⁸; начало 1900-х – 1948) – известно крайне мало. Между тем именно она явилась музой поэта, вдохновившей его на создание произведений, составивших сборники «Моих тысячелетий» (1925) и «Вторая книга стихов» (1928). В некоторых из них дистанция между лирическим образом и реальной, невымышленной женщиной практически устранена, недаром автор называет героиню подлинным именем жены: «Сарра, мой мед...» Дело, впрочем, не в омонимическом сближении двух миров – реального и художественного (в конце

⁶⁶ Неустановленное лицо.

⁶⁷ На письмо помета рукой Кнута: «Ответ 20 Анне Степановне».

⁶⁸ Варианты имени и фамилии жены Кнута (разные версии их написания) – следствие «документальной неустойчивости». Имея по еврейской традиции от рождения двойное имя – Сара(Сура)-Софья, она, поскольку отца звали Меер-Герш, имела также «двойное» отчество: в одном случае Мееровна, в другом Гершевна. Мать, Геня Волиович, как и Кнут, была уроженкой Оргева. Довольно странным выглядит утверждение современного исследователя И.М. Невзоровой, будто бы Грабойс «получила от мужа <т.е. от Кнута> второе, библейское имя Сара» (*Кнорринг И.Н. Повесть из собственной жизни: В 2 т. / Подгот. текста Н.Н. Кнорринг, Н.М. Черновой; коммент., аннот. указ. имен И.М. Невзоровой. М.: Аграф, 2013. Т. 2. С. 500*). Вопросом о том, с какой стати и по какому праву Кнут стал бы давать жене второе имя, автор не задается. Помимо этого, в той же книге жизнь Сары-Софьи «продлена» на 16 лет.

концов, литературный образ, несмотря на максимальную идентификацию с действительными именами, событиями и явлениями, всегда условен), а в том, что кнотовская эротическая лирика черпалась из эротики жизненной, семейной.

В середине 1930-х поэт, однако, расстался со своей музой, хотя фактически их брак начал распадаться и того раньше: даже суперэротичнейший Кнут не мог соперничать с Сарой-Софьей по части любвеобильности (эта тема – вереницы супружеских измен, прощений, сближений и новых кругов незадавшейся семейной жизни – подробно отражена в его дневнике).

Помимо двух ранних писем Кнута будущей жене из Берлина в Париж и ее письма мужу, в котором она сообщает о своем приезде по завершении отдыха, представляется вполне логичным включить в публикацию два письма Кнуту его шурина Якова Грабойса, брата Сары-Софьи.

Яков Грабойс родился в Кишиневе в 1899 г. Уже в молодые годы он стал относиться к употреблению мяса животных как к величайшему человеческому греху. После окончания кишиневской гимназии Яков Грабойс отправился получать высшее образование в Германии, где выучился на инженера-механика. Некоторое время после этого жил в Париже и работал на заводе «Рено». Параллельно с этим обучался секретам гомеопатии и лечения травами. В 1936 г. репатриировался в Эрец-Исраэль, поначалу поселился в Иерусалиме (откуда написано его первое из публикуемых писем Кнуту) и в 1938 г. был одним из инициаторов создания в селении Кфар-Йона (неподалеку от города Нетания) группы вегетарианцев. В годы Второй мировой войны устроился на завод «Yikhin» в городе Петах-Тиква и проработал там до конца 1950-х гг. (этот завод упомянут в его втором письме Кнуту, написанном через некоторое время после получения известия о смерти Сары-Софьи, которой не стало в конце июня 1948 г.). Перешагнув рубеж своего 60-летия, Яков отдался делу, которое любил больше всего: лечению болезней природными средствами. Вместе с супругой Мирьям он превратил свой дом в центр альтернативной медицины и стал одним из учредителей журнала «Teva ve-briyut» (Природа и здоровье), который начал выходить в свет в 1960 г. (с 1962 по 1988 гг. был его редактором). Убежденный вегетарианец, Яков Грабойс прожил 90 лет: он умер в Израиле 5 августа 1989 г. Через год после смерти Грабойса увидел свет подготовленный им вместе с женой двухтомник «Ima teva» (Мать-природа), посвященный культуре питания, диетической эстетике и исцелению от болезней методами и средствами, обнаруженными в природной «аптеке».

1

Кнут – Саре-Софье Грабойс

Берлин, 15 или 16 окт<ября> 1922

Полдень. Ресторан

Здравствуй, Сурочка.

Получил от тебя 4 письма – 1 из Кишинева, 3 у Drak-h⁶⁹ – представляешь себе мою радость. А только что узнал по телефону, что получилось для меня еще одно письмо у Dr-h. Сейчас туда поеду.

Удивительно – нам в голову приходят одинаковые мысли.

Деньги мамы я и до твоего приказания порешил потратить без остатка, перчатки купил тебе, не ждя твоей об этом просьбы, прост<ых> чулок купил не 3 пары, а пять, белья купил больше, чем ты наказывала, комн<атные> туфли ищу всё время, хотя ты об этом раньше не просила, по вязаной кофточке вздыхаю все дни и недели – трудно провезти, не знаю, что сделать – и вообще многое накопил бы, если б дело с границей обстояло благополучнее. Придираются, черти. Кофточку все-таки куплю.

Пиши всё время – письма приходят на 3-ий день, твое письмо от 12-го <октября> я получил 14-го.

О комнате не заботься. Приеду – увидим, не пропадем. Живу хорошо, хожу в фешенебельные кафэ. Дым, музыка – люблю я это очень – и так жалко, что нет у меня тут рядом, на бархатном диване, тебя, чтоб обнять твои плечи, пить ликер, слушать музыку, звон и – курить. Кстати, сильно полюбил курение. Не будешь ругать?

Думаю пробыть еще недельку, хотя очень уж хочется тебя увидеть, расцеловать.

Грешить будем несомненно. И даже – часто. А то – такое свинство: «не позволю, предупреждаю». Дорого заплатишь ты за попытку посадить Дэрика под свой башмак – 20 ночей подряд. Тоже – «предупреждаю». Я тебе покажу «не позволю»!

Как у тебя с деньгами? Исповедуйся, сколько у тебя будет de cote⁷⁰ к 1 декабря. Надоедай маме, чтоб высылала – не давай ей спуска.

Решил уже, когда поженимся. Тебе ведь хочется?

Привет всем. Особенный Розе.

Целую медовую.

Д<овид>

⁶⁹ По всей видимости, Кнут передает в сокращенной форме фамилию каких-то своих знакомых, живших в Берлине, на чей адрес приходила его корреспонденция.

⁷⁰ Котировка, финансовый курс (*фр.*); здесь: размер денежной суммы.

2

Сара-Софья Грабойс – Кнуту

Пятница

Мой милый,

Я выезжаю во вторник вечером, в среду утром я в Париже. Надоело мне здесь до черта. Опять начала нервничать и не дождусь уже возвращения. Если папа не пойдет меня встречать, мама это будет знать, приходи на вокзал. Если нельзя, условься с мамой, когда ты к нам придешь. Воображаю, как вы там выглядите, измученные жарой. Мне будет стыдно за мой цветущий вид. Я очень, очень рада вернуться.

Эти 5-ть дней будут мне в тягость. Я чувствую, что ты обижен и сердисься, твое последнее письмо звучит страшно сухо. Но через несколько дней мы объяснимся устно, а пока я целую нежно.

До скорого и радостного свиданья.

Твоя Сара

3

Яков Грабойс – Кнуту⁷¹

27-10-1937 מקור חיים⁷²

Милый Давид,

очень рад, что посетили те места, которые так «дороги сердцу моему», – я влюблен в Галилею. Вашу предыдущую открытку я получил, – она прибыла в тот день, когда я был у Вас в Т<ель>-А<виве>.

⁷¹ Написано на почтовой карточке, адресованной Mr. S. Rosoff (D<ovid> K<nut>, Naifa. P.O.B. 12). Архитектор Самуил Розов (1900–1975), у которого Кнут жил в Хайфе и на адрес которого получал корреспонденцию, когда летом–осенью 1937 г. посетил Землю обетованную, упомянут в его очерковом «Альбоме путешественника» (1938): «Талантливый архитектор Р<озов>, в меру сил своих борющийся с этим злом <утилитарно-казарменной эстетикой назойливой модернистской архитектуры – В.Х.>, – как прекрасна его синагога в Пардес-Хана! – большой любитель мексиканской архитектуры, которая, по его мнению, чрезвычайно “к лицу” Палестине, рассказывал мне, как, открыв недавно мексиканский специальный журнал, он с ужасом и отвращением наткнулся на ту же рационалистическую, обезличивающую мир архитектуру, что, как проказа, распространяется по свету» (*Кнут Д.* Собрание сочинений... Т. I. С. 234). Письма В. Набокова к его однокласснику по Тенишевскому училищу С. Розову, в 1924 г. репатрировавшемуся в Палестину, см.: *Левинг Ю.* Набоков, который рядом (Письма к С.И. Розову: 1945–1976) // Иерусалимский журнал. 1999. № 2. С. 142–160.

⁷² Мекор (Макор) Хаим (*ивр.* Источник Хаима) – район на юго-западе Иерусалима, в котором поселился Я. Грабойс. Возник в 1924 г., назван в честь харьковского купца Хаима Коэна, на деньги которого были приобретены земли в этой части города; предназначался под застройку для религиозных евреев, преимущественно из Польши.

От Софы я в последний раз имел письмо 3 недели тому назад, датированное 22-ым сент<ября>. Послал тысячу франков и жду не дождусь подтверждения получения денег.

Что ж это Вы: в Хайфу и затем в Марсель – или еще заглянете в наши «Палестины»? У нас тут в Иерусалиме довольно тревожно. Палили из револьвера недалеко от места моей работы (200 м).

Писать все-таки лучше на Р.О.В. 502, так как часть писем, идущих на Магор Хаим, пропадает.

Конечно, Софа понаделала глупостей и с квартирой, и с шомажем⁷³, и, вероятно, в других вещах другого порядка.

Ваш Яков.

4

Яков Грабойс – Кнуту

2.10.<19>48 א כפר גנים⁷⁴

Дорогой Давид,

простите, что не ответил до сих пор на Ваше письмо. Не только Вам – никому не был, вот уже более двух месяцев, в состоянии строчки написать. Я сам того не знал, насколько мы, несмотря на время разлуки, «расстояние», в свое время крупные разлады, крепко были спаяны с Софой меж собой. Ее смерть, столь неожиданная для меня, не сразу, а так через недели две, после того как был оповещен о ней, вызвала у меня столь страшную и незаживающую душевную рану, которая мучила меня несказуемыми страданиями днем и ночью. Я не мог забыть ни в покое, ни в работе, которая, кстати, буквально «падала с рук». Я получил длительный отпуск на заводе и занялся другой работой, чтобы переменить обстановку. Ездить ни за границу, ни в самой стране не было никакой возможности из-за войны. Кончилось в конце концов тем, что я заболел, и заболел очень тяжелой болезнью с высокой температурой и очень продолжительной, самой продолжительной на всем протяжении моей полувекковой жизни. Врачи не могли точно определить – что это за болезнь. Я назвал ее «пожар в кишках». Я явственно ощущал адское пламя, сжигающее мне кишечник, и невыносимую боль в голове. Более двух месяцев решительно ничего не ел и почти ничего не пил. Здешний натуралистический врач уверял меня, что причина болезни кроется в тяжелых диетических ошибках, коим давность много десятков лет, и разразилась она именно сейчас благодаря какой-то таинственной психической ассоциации с болезнью Софы (тоже кишечник). Вылечил он

⁷³ От фр. *chômage* – безработица; имеется в виду пособие по безработице.

⁷⁴ Кфар-Ганим алеф, район города Петах-Тиква.

меня тем, что заставил пить три дня подряд по 4 стакана... морской воды. И действительно, сейчас же после двух стаканов как «по мановению жезла» огонь в кишках погас, голова стала легкой, температура сразу спала, и я заснул «сном праведника». Со вчерашнего дня я вернулся на завод.

Вы пишете, Давид, что Софа выразила пожелание, чтобы я был опекуном Дани⁷⁵. Но какая в том польза, если между опекуном и опекаемым расстояние в тысячи километров. Если б Дания был здесь, то я бы уж о нем заботился, да Мириям⁷⁶ готова быть ему второй матерью. Но Дания в Палестину не собирается, и тому причина глубокая: отчасти благодаря тому, что Софа воспитала его в духе «хорошего француза». Кроме того, отсутствует, по-видимому, у Дани совершенно чувство, столь присущее юности: «неутолимо манит меня даль». Напротив, мне кажется, что тяжело ему проститься с привычками, обстановкой, людьми, языком. Оно и понятно! И для того, чтоб порвать со всем этим, нужен импульс совершенно другого порядка, нужно «воспламениться» идеей служения родине, готовности страдать и любой жертвой принести пользу, – благородство высшего порядка, столь присущее молодым из лучших. И сколько таких мальчиков понаехало сейчас со всех концов мира: южной Америки, Африки, Голландии, Португалии (где мне казалось, что после инквизиции не остался ни один еврей!), Китая. Оставили уютные уголки около зажиточных родителей, чтобы лежать в окопах под знойным солнцем, готовые отдать всё ради чести племени Израилева, столь гнусно поруганной цивилизованными народами XX столетия. А после войны эти культурные и изнеженные мальчики, говорящие на всех языках мира, не думают вернуться «домой». Они останутся дома у нас, у себя, пойдут в кибуц⁷⁷, чтобы создавать и строить для всех, для себя. А мысль Дани приехать сюда на несколько недель и «посмотреть» мало соблазнительна. Он должен «посмотреть» и увидеть, что тут лучше, чем в Париже. А тут нет ничего того, к чему привык Дания там, и ему здесь не понравится. Ибо те мальчики, что приехали сюда, не приехали сравнивать и «смотреть», – они уже «сравнили» там перед отъездом, и большая любовь «веселит их сердце»⁷⁸. С другой стороны, есть причина, благодаря которой Дани нечего торопиться с приездом сюда сейчас, – ведь у нас война, Дани придется участвовать в ней, а рисковать жизнью не каждому хочется и, *по-моему*, не каждый обязан. Впрочем, там, во Франции, скоро-скоро и его возьмут на военное обучение, да кроме того, не очень-то пацифистским «духом» пахнет и у вас. Тревожит меня очень материальное положение Дани. Мне почему-то кажется, что дело «реинте»⁷⁹ у него не пойдет и что

⁷⁵ Сын Кнута от первого брака (1929).

⁷⁶ Жена Я. Грабойса.

⁷⁷ Автор употребляет ивритскую форму множественного числа: кибуц – кибуцим.

⁷⁸ Цитата из стихотворения Кнута «Кишиневские похороны».

⁷⁹ Художника, живописца (*фр.*).

он может потерять тот малый капитал – всё, что осталось после столь долгого и неустанного Софиного труда.

Просьба у меня к Вам, Давид! У Софы были кой-какие вещи, связанные с Кишиновом и родными нашими (ковёр молдавский и прочее), а также вещи, к которым Софа особенно была привязана. Если бы Даня пожелал с частью этих вещей расстаться и продать их мне! Мне так хочется внести в дом что-нибудь напоминающее мне родных, сестер. Ведь остался я один из всей семьи. Эти вещи можно переслать с родственником Мирьям Рахмиэль Едвав (R. Yedwav) Château Bois du Rocher par Bièvres (S et O), который скоро приедет в Израиль. Он же уплатит Дане по Вашей оценке за вещи, и я ему верну тут в фунтах. Желаю Вам и Вашей семье здоровья и всего хорошего.

Еддав понимает только идиш.

Ваш Яков

P.S. Прилагаю вырезку о приезде Елизаветы Лазарус-Кнут⁸⁰.

К письму приложена небольшая вырезка-информация из израильской газеты:

Среди прибывших – Элизабет Лазарус Кнут

Элизабет Лазарус (Кнут), имя которой упоминалось в прошлогодних публикациях в связи с начиненными взрывчаткой конвертами, рассылаемыми по почте англичанам, и которая была из-за этого судима в Бельгии и приговорена к нескольким месяцам тюрьмы, прибыла в пятницу в Израиль на пароходе «Кедма». Элизабет Лазарус – приемная дочь живущего в Париже еврейского писателя Довида Кнута и внучка знаменитого русского композитора Скрябина.

6. «Я Вас разыскивал, чтобы пригласить Вас в наше новое литературное предприятие»

Р.Н. Гринберг: письмо от него и к нему⁸¹

Несмотря на то, что имя Романа Николаевич Гринберга, или Бобы, как его называли близкие друзья (2.11.1896⁸² [по всей ви-

⁸⁰ Жильбер-Элизабет (Елизавета, Бетти) Лазарус-Кнут (1926–1965) – литератор, журналист, участница еврейского Сопротивления в годы Второй мировой войны (ей принадлежит книга: *Knout Elisabeth. La Ronde des mouches*. Paris: J. Vigneau, 1947), впоследствии член еврейской подпольной организации Лехи (Лохамей Херут Исраэль – Борцы за свободу Израйля), действовавшей в 1940–1948 гг. против Британского мандата на Палестину; дочь Ариадны Скрябиной и ее первого мужа, французского композитора и музыкального педагога Даниэля Лазаруса (1898–1964), удочеренная Кнутом.

⁸¹ Выражаем благодарность П.А. Трибунскому за ряд уточнений, касающихся биографии Р.Н. Гринберга.

⁸² Установление точной даты рождения Гринберга, основанной на документальном свидетельстве, принадлежит П.А. Трибунскому. Указываемый обычно годом его рожде-

димости, Киев; в младенческом возрасте перевезен в Москву] – 25.12.1969, Нью-Йорк), широко известно в истории послевоенной эмиграции, прежде всего по редакторско-издательской деятельности: в 1953–1954 гг. он (вместе с В.Л. Пастуховым) редактировал первые три номера журнала «Опыты»⁸³, а позднее был редактором-издателем альманаха «Воздушные пути» (1960–1967; свет увидели пять выпусков), – его биография относится к разряду «айсберговых»: значительный фактографический массив остается до сих пор скрытым, непроясненным и неописанным⁸⁴. Тем важнее продолжить публикацию его архивных коллекций, сосредоточенных в Manuscript Division, Library of Congress (Washington), The Rare Book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University (New York) и Amherst Center for Russian Culture⁸⁵.

ния 1893, а также приводимый в некоторых источниках 1897 (*Ржевский Л.* Загадочная корреспондентка Корнея Чуковского // *Новый журнал.* 1976. № 122. С. 163; *Янгфельдт Б.* Любовь это сердце всего: В.В. Маяковский и Л.Ю. Брик: Переписка 1915–1930. М.: Книга, 1991. С. 217; *Берберова Н.Н.* Курсив мой... С. 652 и др.), являются ошибочными, а 1883 г. (*Басалаев И.* Записи бесед с Ахматовой (1961–1963) / Публ. Е.М. Царенковой; примеч. И. Колосова и Н. Крайневой // *Минувшее: Исторический альманах.* 23. СПб.: Atheneum-Феникс, 1998. С. 591) – очевидно, простая опечатка.

⁸³ Об издававшемся М.С. Цетлиной журнале «Опыты» (Нью-Йорк, 1953–1958, всего вышло 9 номеров; №№ 4–9 [1955–1958], ред. Ю.П. Иваск) см.: Переписка Г.В. Адамовича с Р.Н. Гринбергом: 1953–1967 / Публ., подгот. текста и коммент. О.А. Коростелева // *Литературоведческий журнал.* 2003. № 17. С. 97–182.

⁸⁴ В кругу наиболее референтных работ, служащих главными источниками биографических сведений о Гринберге, см. некрологи, написанные А. Седых (Памяти Р.Н. Гринберга // *Новое русское слово.* 1969. № 21746, 27 дек. С. 3) и Г. Адамовичем (Памяти ушедших. Р.Н. Гринберг // *Русская мысль.* 1970. № 2774, 22 янв. С. 11); опирающаяся на них статья Л. Дымерской-Цигельман (Альманах «Воздушные пути» и его издатель-редактор Роман Гринберг // *Встречи в культуре Русского Зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе.* Т. 5 / Сост. и изд. М. Пархомовский. Иерусалим, 1996. С. 135–152) ничего принципиально нового к известным биографическим сведениям о Гринберге не прибавляет; см. еще: *Толстой И.* Курсив эпохи: Литературные заметки. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. С. 159–161; *Валюженич А.В.* Рядом с Маяковским // *Нива (Астана).* 1999. № 1. С. 57–66. Наиболее полную биографическую информацию о Гринберге содержат работы Р. Янгирова (см. далее).

⁸⁵ Среди основных публикаций эпистолярного наследия Гринберга: Роман Гринберг и Роман Якобсон: Материалы к истории взаимоотношений / Вступ. ст., публ. и примеч. Р. Янгирова // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования / Отв. ред. Х. Баран, С.М. Гиндин. М.: РГГУ, 1999. С. 201–212; «Дребезжание моих ржавых струн...»: Из переписки Владимира и Веры Набоковых и Романа Гринберга (1940–1967) / Публ., предисл. и коммент. Р. Янгирова // *In memoiam: Исторический сборник памяти А.И. Добкина.* СПб.; Париж: Феникс-Atheneum, 2000. С. 345–397; Друзья, бабочки и монстры: Из переписки Владимира и Веры Набоковых с Романом Гринбергом (1943–1967) / Вступ. ст., публ. и коммент. Р. Янгирова // *Диаспора: Новые материалы.* I. Париж; СПб.: Atheneum; Феникс, 2001. С. 477–556; Переписка Г.В. Адамовича с Р.Н. Гринбергом... С. 97–181 (то же): «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Русский путь, 2008. С. 355–422; десять писем Адамовича, включенные в данную публикацию, были опубликованы прежде: *Адамович Г.* Письма Роману Гринбергу / Публ. Вади́ма и Веры Крейд // *Новый журнал.* 2000. № 218. С. 141–151); *Янгиров Р.* К истории «встречи двух эмиграций». Документ из архива Р.Н. Гринберга // *Canadian-American Slavic Studies.* 2003. Vol. 37. № 1/2. С. 121–131; *Янгиров Р.* «Пример

Деля свое время и жизненную энергию между биржей и литературой (что касается последней, то главным образом в виде редакторско-издательской деятельности, а временами – литературно-критических статей и мемуарных очерков), Гринберг и там и там сумел добиться ощутимых результатов: благодаря своим деловым способностям он был человек состоятельный, а по эмигрантским меркам так и просто богатый, ср. в письме Г. Адамовича к И. Одо-евцевой от 27 июня 1957 г., после встречи с приехавшими провести время во Франции Гринбергами:

Относительно кружения в сливках света, Вас интересующих, могу сообщить немного: видел Гингеров, Прегельшу, Лиду <Червинскую>, – всё то же. Видел еще американцев – Гринбергов, Женю Клебанову. Гринберги спрашивали о Вас, они приехали со своим автомобилем и собираются разезжать по Франции!⁸⁶

Другой его страстью было библиофильство и коллекционирование предметов старины, в чем он также преуспел. Об антикварных пристрастиях Гринберга свидетельствует, например, его переписка с А. Струве, тоже известным собирателем антиквариата, отложившаяся в его архивном собрании в Library of Congress.

К достопримечательным фактам семейной биографии Гринберга относится, например, то, что его отец, выпускник Киевского университета Св. Владимира, впоследствии, с 19 февраля 1903 г., присяжный поверенный Московской судебной палаты, Николай Абрамович (1866–1919), был одноклассником и другом детства философа Л.И. Шесто-

---

тавтологии»: Заметки о войне Владимира Набокова с Георгием Ивановым // Диаспора: Новые материалы. VII. Париж; СПб.: Athenaeum–Феникс, 2005. С. 596–618; *Гринберг Р.* Вечер поэзии Набокова глазами современника / Вступ., публ. и коммент. Ю. Левинга // Октябрь. 2007. № 7. С. 185–190; «... Там у нас самый жадный и благодарный читатель...»: Переписка редакторов журналов «Грани» и «Мосты» с редактором альманаха «Воздушные пути» / Предисл., публ. и примеч. Г. Глушанок // Периодическая печать российской эмиграции. 1920–2000 / Под ред. Ю.А. Полякова и О.В. Будницкого. М.: Институт российской истории РАН, 2009. С. 282–312; «Мы служим не партиям, не государству, а человеку»: Из истории журнала «Опыт» и альманаха «Воздушные пути» / Публ., вступ. ст. и примеч. В. Хазана // Toronto Slavic Quarterly. 2009. № 29. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/29/hazan29.shtml>; *Хазан В.* «Семь лет»: история издания (Переписка В.С. Варшавского с Р.Н. Гринбергом) // Новый журнал. 2010. № 258. С. 177–224; *Гингер А.С.* Стихотворительное одержанье: Стихи, проза, статьи, письма: В 2 т. / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Хазана. М.: Водолей, 2013. Т. 2. С. 120–131.

⁸⁶ «Если чудо вообще возможно за границей...»... С. 504. Добавим сюда фразу из письма самого Романа Николаевича М. Алданову (от 11 января 1953 г.): «<...> пишет Вам один из двух редакторов <журнала “Опыт”>, человек, с которым Вы встречались, правда, редко, в последний раз на крыше его дома, в Нью-Йорке» (Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture. MS Mark Aldanov Coll. Box 4).

ва⁸⁷. В письме А. Ремизову Гринберг-младший 25 февраля 1953 г. рассказывал:

<...> мой отец и Лев Исакович были товарищами детства, учились вместе на Подоле, в Киеве, и кончали университет св. Владимира там же; когда я был ребенком, уже в Москве, где я родился, он часто бывал у нас, дружил с моим отцом, а меня увлек на греческий и латынь и после на филологический факультет; в Париже я у него был раз в Булони; семьи его я не знал, кроме старшего сына его, и то мельком, незадолго до его гибели в <П>ервую войну, когда он жил в доме Варвары Морозовой и Веселовского на Воздвиженке, в Москве <...>⁸⁸

О том, что Шестов посещал их семейство в Москве, Гринберг также рассказал в очерке «Неправда разума: К годовщине смерти Льва Шестова»⁸⁹.

В четырехлетнем возрасте (10 сентября 1900) Роман был крещен в московской евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла (тот же обряд крещения в евангелическо-лютеранское исповедание прошел когда-то его отец; мать, Фанни Биркган, принадлежала к англиканской церкви).

В 1907 г. подросток Гринберг поступил в московскую частную мужскую гимназию П.Н. Страхова, в 1915 г. окончил ее и был зачислен на историко-филологический факультет Московского университета.

В некрологе Гринберга А. Седых, не упоминая историко-филологического, писал, что тот сразу поступил на юридический факультет⁹⁰, nasledующие ему авторы называют оба факультета одновременно⁹¹. Объяснение этому противоречию следующее: проучившись на историко-филологическом факультете два года, 30 июня 1917 г. Гринберг подал прошение об отчислении его из списка студентов и, по-видимому,

⁸⁷ 24 сентября 1919 г., после прихода к власти большевиков, Н.А. Гринберг был арестован по политическим мотивам, однако через без малого два месяца, 21 ноября, на основании постановления коллегии МЧК от 17 ноября 1919 г., освобожден (реабилитирован в июне 2003), см.: <http://lists.memo.ru/d9/f467.htm>. Вслед за выходом из чекистской тюрьмы скончался.

⁸⁸ Library of Congress. The Records of «Vozdushnye puti». Box 1.

⁸⁹ Новый журнал. 1958. № 54. С. 248–256. Отметим попутно ошибочное указание Р. Янгирова на отсутствие Гринберга среди авторов «Нового журнала» (Роман Гринберг и Роман Якобсон... С. 207). Кроме указанного очерка см. также написанное им предисловие к русскому переводу воспоминаний Б. Фондана о Л. Шестове (Фондан Б. Разговоры с Львом Шестовым // Новый журнал. 1956. № 45. С. 195–196).

⁹⁰ Седых А. Памяти Р.Н. Гринберга...

⁹¹ Адамович Г. Письма Роману Гринбергу... С. 141; Российское зарубежье во Франции 1919–2000: Биографический словарь: В 3 т. / Под общ. ред. Л. Мнухина [et al.]. М.: Наука; Дом-музей М. Цветаевой. Т. 1: А–К. 2008. С. 429; «...Там у нас самый жадный и благодарный читатель...». С. 283.

пытался поступить в Александровское военное училище. Однако через несколько дней, 5 июля 1917 г., подал прошение о восстановлении на историко-филологическом факультете, которое было удовлетворено. Спустя два месяца, 5 сентября 1917 г., он перевелся на юридический факультет.

В этот и последующие периоды жизни в России Гринберг был близок к футуристам – Д. Бурлюку, В. Маяковскому, В. Хлебникову (последний, как он сообщал В. Маркову в письме от 21 февраля 1953 г., жил в его квартире в 1922 г.⁹²), был дружен со своим однокурсником Р. Якобсоном.

Двоюродной сестрой Гринберга была Мери Александровна Блюменталь, которая в 1945 г. стала женой поэта М. Талова (1892–1969), вернувшегося в 1922 г. из Франции в Советскую Россию⁹³, когда будущий издатель «Воздушных путей» как раз намеревался оттуда бежать и совершить обратный Талову путь. Его бегству предшествовали драматические события: заняв после революции непримиримую антибольшевистскую позицию, он поплатился за это арестом и провел некоторое время на Лубянке, неподалеку от своего дома (Гринберги жили в Водопьяном переулке, д. 3), где на практике познакомился с понятием «красный террор». Фигурирующий во многих источниках, включая справочные издания, 1918 г. как время эмиграции Гринберга⁹⁴ является ошибочным, см. в письме Л. Брику О. Брику и В. Маяковскому от начала января 1922 г., где Гринберг упоминается как сосед по коммунальной квартире в Водопьяном переулке (Брики, а с ними Маяковский вселились в квартиру Гринбергов в результате проводившейся в те годы политики «уплотнения»):

Вы конечно понимаете, что, несмотря на то, что я очень радуюсь что вы так веселитесь – вам перед моим приездом придется открыться

⁹² См.: Роман Гринберг и Роман Якобсон... С. 204.

⁹³ *Талов М.* Воспоминания. Стихи. Переводы / Сост. и коммент. М.А. Таловой, Т.М. Таловой, А.Д. Чулковой. М.: МИК; Париж: Альбатрос, 2005; Мандельштамовские материалы в архиве М. Талова / Публ. М. Таловой при участии А. Чулковой; предисл. и коммент. Л. Видгофа // Вопросы литературы. 2007. № 6. С. 330–338; *Гингер А.С.* Стихотворительное одержанье... Т. 2. С. 283–304, 404–467.

⁹⁴ *Вильданова Р., Кудрявцев В., Лаппо-Данилевский К.* Краткий биографический словарь русского зарубежья // Струве Г. Русская литература в изгнании. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. С. 303; Незабываемые могилы: Российское зарубежье: Некрологи 1917–1997: В 6 т. / Сост. В.Н. Чуваков. М.: РГБ. Т. 2: Г–З. 1999. С. 235; *Адамович Г.* Письма Роману Гринбергу... С. 141; *Ходасевич В.* Камер-фурьерский журнал / Вступ. ст., подгот. текста, указ. О.Р. Демидовой. М.: Эллис Лак, 2002. С. 397; Российское зарубежье во Франции... Т. 1: А–К. 2008. С. 429 и др. Г. Глушанок называет временем отъезда Гринберга в эмиграцию начало 1924 г., до этого срока он, по ее ошибочному мнению, якобы скрывался в Петрограде, ставшем Ленинградом («... Там у нас самый жадный и благодарный читатель...»... С. 283).

все окна и произвести дезинфекцию. Такие микробы как Боба и дамы типа Юлии Григорьевны, так же, как и клопы в стенах, – должны быть радикально истреблены⁹⁵.

О деталях бегства Гринберга из России мы не располагаем надежными сведениями. Известно, что с 1922 г. он обитал в Германии⁹⁶, затем в Италии (1926–1929), после чего окончательно перебрался в изредка посещавшийся им ранее Париж – факт, который среди других, кстати сказать, весьма немногочисленных документальных свидетельств удостоверен в «Камер-фурьерском журнале» В. Ходасевича⁹⁷ или, скажем, в письме О. Марголиной-Ходасевич к Н. Берберовой и Н. Макееву от 24 февраля 1940 г., где идет речь о жене (с 1926 г.) Гринберга, художнице-любительнице Софье Михайловне (урожд. Кадинской; 1902–1980)⁹⁸:

Никак не могла застать дома Соню Гринб<ерг> и только сегодня до нее дозвонилась; она просила зайти к ней в понедельник <письмо написано в субботу – В.Х.>⁹⁹.

См. еще дневниковую запись Д. Кнута от 19 декабря 1934 г. :

На Монпарнассе <sic> встретил Гринбергов: угостили дивными устрицами и вином. Обещали какую-то службу в январе. Милый Гринберг отказался взять одолженные мне 50 ф.¹⁰⁰.

О встречах в довоенном Париже с Романом Николаевичем и Софьей Михайловной вспоминал много лет спустя Г. Адамович:

С покойным Романом Николаевичем Гринбергом связывала меня долгая дружба, начавшаяся давно, еще в «монпарнасский» период нашей эмигрантской литературы. Да и не я один тогда с ним дружил и рад был с ним и с Софией Михайловной, его женой, встречаться. Были бесконечные ночные разговоры за чашкой «кафе-крема» или за

⁹⁵ Янгфельдт Б. Любовь это сердце всего... С. 90.

⁹⁶ См., например, очерк Б. Пильняка «Заграница», написанный 9 апреля 1922 г., где упоминается имя Гринберга (Заграница (Воспоминания Г.В. Алексеева и очерк Б.А. Пильняка) / Публ. Е.И. Горской // Встречи с прошлым. 7. М.: Сов. Россия, 1990. С. 194).

⁹⁷ Ходасевич В. Камер-фурьерский журнал..., по указ.

⁹⁸ Рассказывая о которой, хорошо знавший ее по Нью-Йорку художник С. Голлербах пишет: «Софья Михайловна Гринберг <...> была в молодости очень красива <...> Рыжеволосая, с бледным, слегка веснушчатым лицом. Она очень гордилась тем, что за ней когда-то ухаживал Маяковский» (Голлербах С. Нью-Йоркский блокнот: Книга воспоминаний. Нью-Йорк: The New River Publishing, 2013. С. 93).

⁹⁹ Khodasevich V., Margolina-Khodasevich O. Unpublished Letters to Nina Berberova... P. 94.

¹⁰⁰ Хазан В. «Некая бухгалтерия жизни»... С. 186.

стаканом вина; были споры, литературные пререкания, проекты, планы, и хотя тогда время это вряд ли кому-нибудь из нас казалось прекрасным, хотя трудно было бы тогда поверить, что о встречах этих мы будем вспоминать как о дорогом прошлом, теперь чувство возникает именно такое¹⁰¹.

Парижских следов Гринберга, повторяем, сохранилось немного, но они всё же существуют. Так, – факт, кажется, никем не отмеченный, – он состоял одним из членов-учредителей Клуба еврейских писателей и художников, возникшего в феврале 1926 г., куда наряду с ним входили другие известные еврейские общественные деятели, выходцы из России и Франции: Ж. Адлер, Ш. Аш, О. Камхи, А. Коген, Н. Франк, Э. Гиттес, Б. Гагани, А. Герц, В. Якобсон, М. Ярблوم, И. Ефройкин, М. Левентель, И. Лазар, Р. Леман, Л. Моцкин, С. Перельман, Д. Раппопорт и П. Рафаэль¹⁰².

В конце 1930-х гг. у Гринбергов умерла от менингита дочь-младенец. А вскоре разразившаяся Вторая мировая война вынудила их покинуть Францию и перебраться в США. Вопреки тому, что утверждается в справочной литературе¹⁰³, Гринберг приехал и поселился в США не в 1918 г. или начале 1920-х гг., а, как многие, бежал из Парижа в 1940 г., перед угрозой оккупации его нацистами. Именно с американским периодом жизни связан основной его вклад в историю русской культуры в изгнании. Он оказался в центре литературной жизни, будучи сначала привлечен М.С. Цетлиной (1882–1976), известной меценаткой, женой поэта, прозаика, литературного критика, переводчика и издателя М.О. Цетлина (1882–1945), к редактированию журнала «Опыты», а впоследствии – в силу независимого характера, самостоятельности суждений и не в последнюю очередь диктовавших всё это финансовых возможностей – решил основать собственное «дело» в виде альманаха «Воздушные пути».

Давая представление о политической идентификации Гринберга, вообще крайне существенной для эмигрантов, В. Варшавский в письме Р. Чеквер от 18 февраля 1950 г. писал о нем как о бывшем парижане, близком к «Социалистическому вестнику»¹⁰⁴ и «Ли-

¹⁰¹ *Адамович Г.* Памяти ушедших. Р.Н. Гринберг // Русская мысль. 1970. № 2774, 22 янв. С. 11.

¹⁰² Рассвет (Париж). 1926. № 10, 7 марта. С. 12.

¹⁰³ Незабываемые могилы... Т. 2: Г–З. С. 235; Российское зарубежье во Франции... Т. 1: А–К. С. 429 и др.

¹⁰⁴ Относительно «близости» беспартийного Гринберга к «Социалистическому вестнику» следует выразить законное сомнение: он не только никогда в нем не печатался и, скажем, не принимал участие в «вечерах» (см., напр.: *Г.А.* Вечер «Социалистического вестника» (Отчет) // Социалистический вестник. 1950. № 4, 27 апр. С. 75), но и сверх того – его имя отсутствует в более чем уместном для такого рода «близости» перечне тех,

ге»¹⁰⁵, причем эстет Гринберг не преминул сделать в письме самому В. Варшавскому от 31 декабря 1949 г. следующую ремарку по поводу этого меньшевистского органа: «Скучный он, вестник. Особенно язык и <з> сырого дерева, но за честность можно ручаться»¹⁰⁶.

Как это часто бывает, когда какие-то живые черточки внешности или характера человека всплывают в памяти знакомых с ним людей после его смерти, Ю. Иваск, сменивший Гринберга на посту редактора «Опытов», писал И. Чиннову 31 декабря 1969 г. :

...узнал о смерти Романа Николаевича и на другой день был на собрании памяти. Раввин говорил минут семь, и потом Седых, конечно, по-русски, – о покойном. Вспомнил начало «Опытов». Веселые поездки в какую-то неприличную таверну МАРИЯ на 2-ой улице, где журнал обсуждался. Тогда Р<оман> Н<иколаевич> был еще живчик, рассказчик, выпить не дурак: его, такого, вспоминаю с любовью¹⁰⁷.

Заслугой Гринберга стало то, что он явился собирателем литературных сил российской диаспоры – в еще большей степени рассеянной по миру после Второй мировой войны, чем до нее, – дабы сосредоточить в «Опытах», а затем в «Воздушных путях» весь цвет зарубежной и потаенной метропольной русской литературы. Так родился издательский феномен Гринберга, заслуживающий внимания и благодарной памяти потомков хотя бы потому, что именно по его инициативе читатель на Западе и одновременно – по каналам «тамиздата» – в Советском Союзе познакомился в 1960-е гг. с «Поэмой без героя» А. Ахматовой, «воронежскими тетрадами» О. Мандельштама¹⁰⁸, некоторыми неопубликованными рассказами И. Бабеля,

кто поздравил с 70-летием Р. Абрамовича, одного из основателей журнала и его ключевой фигуры. Между тем, согласно информации «Волна приветствий» (Социалистический вестник. 1950. № 11/12, дек. С. 227–229), среди поздравлявших были не только «русские американцы» (А. Керенский, В. Чернов, М. Карпович, Д. Чижевский, М. Вейнбаум, А. Поляков, Аргус (М. Айзенштадт), И. Штейнберг, Р. Гуль, Ю. Делевский, М. Цетлина и мн. др.), но и «русские парижане» (Н. Вольский, Б. и В. Зайцевы, Н. Берберова, из Ниццы – М. и Т. Алдановы и др.). Как кажется, слухи об этой «близости» сильно преувеличены. Гринберг просто выписывал этот журнал (годовая подписка стоила 4 доллара), что для состоятельного человека вроде него было, разумеется, не очень накладно.

¹⁰⁵ VAR. MsColl. Shekvet. Vox 3. Имеется в виду «Лига борьбы за народную свободу» – демократическая организация, созданная русскими эмигрантами в Нью-Йорке в 1948 г., целью которой являлась «борьба против коммунистической диктатуры во имя установления в России свободного, подлинно демократического строя»; в нее входил по существу весь актив «Социалистического вестника»: Р. Абрамович, Д. Далин, Б. Двинов, Ю. Деннике, Б. Николаевский и др.

¹⁰⁶ Хазан В. «Семь лет»: история издания... С. 198.

¹⁰⁷ Письма запрещенных людей: Литература и жизнь эмиграции: 1950–1980-е годы: По материалам архива И.В. Чиннова / Сост. О.Ф. Кузнецова. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 608.

¹⁰⁸ См. реакцию на публикацию в «Воздушных путях» (1961. Вып. II) более полусотни мандельштамовских стихотворений: «В “Воздушных путях” есть еще 57 стихот-

Лея и Довид Кнуты в Тель-Авиве. 1949

текстами М. Цветаевой, В. Ходасевича, Л. Шестова, М. Кузмина, фрагментами из воспоминаний М. Чехова, стенографическим отчетом процесса И. Бродского и пр. 1-й выпуск «Воздушных путей» (1960) был посвящен Б. Пастернаку, по названию одного из рассказов которого альманах получил свое имя¹⁰⁹. По выражению Вяч. Завалишина,

... в альманахе «Воздушные пути» сошлись те, которых судьба и революция поселила в двух различных мирах¹¹⁰.

Краткая переписка Кнута с Гринбергом возникла по инициативе последнего, разыскавшего его в Израиле в 1950-е годы через свою родственницу Дору Лапину. Гринберг, который намеревался привлечь Кнута для сотрудничества в «Опытах», передавал ему привет и просил списаться с ним по сообщенному адресу. Откликаясь на эту просьбу, Кнут писал ему 5 февраля 1953 г. :

Дорогой Роман Гринберг (простите, забыл Ваше отчество), я очень обрадовался, узнав, что Вы с Софьей Михайловной живы и процветаете. Странно даже, что до сих пор ничего о Вас не слышал – ни в Париже, ни от парижан. В моей жизни, после больших потрясений и бурь, – значительная перемена: я осел в Израиле с двумя сыновьями от Ариадны¹¹¹ (Вы, верно, знаете, что она приняла иудей-

---

ворений Мандельштама, также полученных когда-то из Советского Союза, где они не были опубликованы. В «Опытах», во всех девяти книжках, просмотренных мною, материалов, полученных непосредственно из России, нет. Есть лишь два стихотворения Мандельштама, переданных редакции Г. Адамовичем. В «Возрождении», если не ошибаюсь, таких материалов тоже не было, по крайней мере, в тех 40–50 номерах, которые мне удалось просмотреть» (*Самарин В.* Голоса России. 2 // Новое русское слово. 1963. № 18240, 16 февр. С. 4.). Существенно при этом отметить, что в «Воздушных путях» появлялись именно неопубликованные в Советском Союзе поэтические тексты Мандельштама, в отличие от того, что Гринберг помещал в других печатных изданиях, например в «Новом русском слове», где он знакомил эмигрантского читателя с позаимствованными из советского альманаха «День поэзии» за 1962 г. стихами «Ариосто» и «После полуночи сердце ворует...» (*Эрге* [Р. Гринберг]. Осип Мандельштам в советской печати // Новое русское слово. 1963. № 18227, 3 февр. С. 8.).

¹⁰⁹ Ср. в письме Гринберга Ю. Анненкову от 12 января 1959 г. : «Я сейчас занят «нализыванием» альманаха в честь Пастернака. Сборник выйдет как-нибудь осенью, возможно, к его 70-летию. Сборник будет не о нем, но для него от эмигрантских артистов как дань нашего признания за то, что он сделал там в дичайших условиях. Нужно ли объяснять, что этот человек пытался один отстоять то самое, за что мы отсиживаемся здесь вот уже 42-ой год. И это, известно, первый такой случай за эти годы. Наш альманах назван – «ВОЗДУШНЫЕ ПУТИ» – пользуясь именем его раннего рассказа и намекая на нашу с ним связь» («... Там у нас самый жадный и благодарный читатель...»... С. 283).

¹¹⁰ *Завалишин Вяч.* Третья книга «Воздушных путей» // Новое русское слово. 1963. № 18374, 30 июня. С. 8.

¹¹¹ Эли Кнут (собств. Межан (Маген); род. 1935), сын Ариадны от брака с французским писателем Рене Межаном (Rene Méjean), и Йоси Кнут (род. 1943), сын Ариадны и Довида; оба в настоящее время живут в Израиле.

ство и погибла в рядах подпольной Еврейской Боевой Организации, которую мы с ней и основали во Франции) и молодой женой, актрисой, на которой женился в 1948 году в Париже. Критика и публика устроили жене исключительный прием (она сначала играла в Габима¹¹², но ушла оттуда в «авангардный» молодой театр), я же копаюсь в своем огороде и, не спеша, пишу книгу (прозу). Вы, быть может, видели книгу моих стихов («Избранные стихи»), вышедшую в <19>48 г. в Париже. Ныне, после того, что Вы ознакомлены со всеми подробностями моей биографии, напишите о себе и расскажите, с кем Вы в Н<ью>-> Й<орке> знаете (из русских) и, вообще, что да как. Расскажите заодно и о Вашем журнале, дабы мне виднее было, могу ли я Вам на старости лет чем-нибудь пригодиться. В ожидании чего сердечно Вас с С<офьей> М<ихайловной> приветствую.

Итак, пишите.

Ваш Д. К<нут>¹¹³

Ответ Р. Гринберга на это письмо, отложившийся сразу в двух архивах – автора (второй машинописный экземпляр) и адресата, пришел незамедлительно. Письмо, датированное 17 февраля, отпечатано на бланке журнала «Опыты» («Experiments») с указанием имени и адреса издательницы:

Dr. M.E. Zetlin, Publisher
112 West 72nd Street
New York 23, N.Y.
Tel. Endicott 2 – 9893, 4800

17.2.53.

Дорогой Давид Миронович (ведь верно? мое отчество – Николаевич), сегодня получил В<аше> милое письмо от 5 февраля, – большое спасибо. Давно собирался В<ам> написать, искал адрес и, наконец, написал моей симпатичной невестке, Доре Лапиной, и вот нашел Вас. Правда, понаслышке я знал о В<ас> почти всё, что Вы пишете; о героической и страшной судьбе Ариадны мы узнали здесь, в Америке, тут же по Освобождении Франции; это, пожалуй, была чуть ли не первой новостью <так!>, долетевшей к нам с победой; и до сих пор мы помним Ариадну.

Я Вас разыскивал, чтобы пригласить Вас в наше новое литературное предприятие, о котором и расскажу всё, что могу: я один из двух редакторов нашего журнала; другого звать Всево<лод>д Леон<идович> Пастухов, знать которого Вы по Европе не могли; издательни-

¹¹² Национальный израильский театр, возникший в 1913 г. в Российской империи; во второй половине 1920-х переехал в Палестину. По приезду в Израиль Лея Кнут, в рекордные сроки изучив иврит, была принята в труппу этого театра.

¹¹³ Library of Congress (Washington). «Vozdushnye puti». Box 1.

ОПЫТЫ**EXPERIMENTS**

DR. M. E. ZETLIN, PUBLISHER
112 WEST 72ND STREET
NEW YORK 23, N. Y.
TEL. ENHICOTT 2-14800

17.2.53.

Дорогой Давид Миронович, (ведь, верно? мое отчество--Николаевич) сегодня получил В/милое письмо от 5 февраля, -- большое спасибо. Давно собирался В/написать, искал адрес и, наконец, написал моей симпатичной невестке, Доре Лалиной, и вот нашел Вас. Правда, по насылке я знал о В/почти всё, что Вы пишете; о героической и страшной судьбе Ариадны мы узнали здесь, в Америке, тут же по Освобождению Франции; это, пожалуй, была чуть ли не первой новост^ю, долетевшей к нам с победой; и до сих пор мы помним Ариадну.

Я Вас разыскивал, чтобы пригласить Вас в наше новое литературное предприятие, о котором и расскажу всё, что могу: я один из двух редакторов нашего журнала; другого звать Всев. Леон. Пастухов, знать которого Вы по Европе не могли; издательницу, однако, Вы должны помнить по Парижу и "Окну" и "Нов. Жур.", которые она издавала вместе с Мих. Осип. Петлиным, покойным поэтом, её мужем. "Нов. Жур." перешел на американское иждивение и МС Петлина, пригласив нас в редакторы, решила на новое дело. Наша цель издать 3/4 сборника в год, в зависимости от успеха; программа наша: л и т е р а т у р а, т.е. стихи и проза, лит. критика, статьи-эссеи на руководящие общественно-культурные темы, библиография, корреспонденция с мест о жизни искусства, отчеты о живописи, театре и т.д.; мы не хотим мелкой политики-грызни эмигрантов между собой, но ищем политическую прозу в другом плане, -- в плане философской, исторической мысли. Мы начали нашу деятельность месяца 2 тому назад и отклик получился довольно сочувственный. Вы спросите меня чем мы отличаемся от други

Михаил Савельевич

цу, однако, Вы должны помнить по Парижу и «Окну»¹¹⁴ и «Нов<ому> Жур<налу>», которые она издавала вместе с Мих<аилом> Осип<овичем> Цетлиным, покойным поэтом, ее мужем. «Нов<ый> Жур<нал>» перешел на американское иждивение, и МС Цетлина, пригласив нас в редакторы, решила на новое дело. Наша цель издать 3/4 сборника в год, в зависимости от успеха; программа наша: *литература*, т.е. стихи и проза, лит<ературная> критика, статьи-эссеи на руководящие общественно-культурные темы, библиография, корреспонденция с мест о жизни искусства, отчеты о живописи, театре и т.д.; мы не хотим мелкой политики-грызни эмигрантов между собой, но ищем политическую прозу в другом плане – в плане философской, исторической мысли.

Мы начали нашу деятельность месяца 2 тому назад, и отклик получился довольно сочувственный. Вы спросите меня, чем мы отличаемся от других литер<атурных> журналов? Я отвечу так: мы бы хотели нашими усилиями продолжить старую русскую дореволюционную традицию, возникшую на почве европейской истории России, когда эта страна считала себя частью Европы, когда она приложила старания в создании тех ценностей, которые мы зовем западными в отличие от азиатских; наша «доминанта» – свобода творчества; мы служим не партиям, не государствам, а человеку ради его освобождения от подобных унижительных служб, будучи того убеждения, что искусство, если оно независимо, может преобразить жизнь (пример, русский XIX век). Возможно, я недостаточно ясен в письме, но думаю, Вы понимаете и так. Меня поняли и откликнулись след<ующие> лица, приславшие свои произведения, каждый по специальности (по алфавиту): Адамович, Вейдле, Газданов, Г. Иванов, Вл. Набоков-Сирин, Струве, Терапиано, Маковский* (алф<авит> я спутал) и несколько новых эмигрантов, кот<орых> имена для Вас не значат ничего.

После того, что было пережито, мы держимся следующего правила: мы просим в сотрудничество всех тех, кто не совершал преступлений против человечества – это ясно. Так вот, дорогой мой, я прошу Вас быть нашим сотрудником – прислать всё, что Вы найдете нужным, и чем скорее, тем лучше, и быть нашим корреспондентом и писать нам письма о том, что делается у вас в стране по части литературы, живописи, театра – нам здесь, русским читателям, это весьма интересно.

Забыл еще написать об анкетах среди иностранцев – об этом на днях написал невестке, спросите ее, это тоже касается Израиля.

Гонорары – увы! – М.С. Цет<лина> платит те же, что платил «старый» «Нов<ый> Жур<нал>», надеюсь, что мы сможем их поправить, если наши «ОПЫТЫ» будут удачливы, а мы верим, что будут.

¹¹⁴ «Трехмесячник литературы», издавался в Париже М.О. и М.С. Цетлиными в 1923 г.; всего вышло в свет три номера.

Крепко жму Вашу руку.
С<офья> М<ихайловна> Вам кланяется.

<далее от руки>

Р. Гринберг

На каком языке Вы пишете прозу?

* и другие (прим. Р. Гринберга).

Кнут не сумел принять участие в «Опытах»: в скором времени у него обнаружилась опухоль мозга, и 15 февраля 1955 г. его не стало.

7. «Я хочу, чтобы Вы написали поэтическую ораторию о сегодняшней еврейской жизни»

Письмо Ицхака Даниэля

Театральный режиссер и драматург Ицхак Даниэль вошел в историю как болгарского, так и еврейского театра, связав своим искусством разные страны и народы: родившись и сформировавшись как театральный деятель в Болгарии и став на родине одним из популярных и востребованных режиссеров, он после репатриации в Эрец-Исраэль вошел в число наиболее ярких и значительных пионеров еврейской сцены.

Ицхак Моше Даниэль родился 12 ноября 1895 г. в болгарском городе Русе в зажиточной семье евреев-сефардов. Выросший в атмосфере поклонения еврейской учености и сионистским идеалам (одним из его предков был известный своей образованностью и ученостью Шмуэль Даниэль, автор книги «Zaken Shmuel» [Старец Шмуэль]), он с юношеских лет отличался подчеркнутым интересом к своей национальной идентичности и возглавлял молодежное сионистское движение в родном городе¹¹⁵. Окончив гимназию, Ицхак подался в Берлин, где посещал лекции в Академии драматических искусств, а затем поселился в Вене, избрав в качестве продолжения своего образования занятия философией. Любовь к театру, которая жила в нем с детских лет, вскоре, однако, пересилила все другие увлечения. В Вене, одной из блистательных европейских столиц и центров мирового театрального искусства, Даниэль сблизился со знаменитым режиссером Мак-

¹¹⁵ Encyclopedia shel galuyot. Vol. 10: Yehudei Bolgaria / Ed. Dr. A. Romano <et al.>. Jerusalem; Tel Aviv: The Encyclopedia of the Jewish Diaspora Co. LTD, 1967. Am. 760.

сом Рейнхардтом и в течение двух лет состоял его помощником¹¹⁶. После этого работал с одесской труппой, нашедшей приют в Вене.

В Вене Даниэль познакомился с такими же, как и он, молодыми евреями, с одной стороны, пылавшими любовью к сцене, а с другой, преисполненными сионистской мечтой попасть в Землю обетованную и строить там национальный театр. С этой целью они обратились в Еврейское агентство, занимавшееся проблемами репатриации в Эрец-Исраэль, с просьбой выделить им там небольшой участок земли, где они могли бы поселиться и воплотить в жизнь свой театральный проект. Тем, к кому эта просьба была обращена, идея молодых театральных энтузиастов показалась утопической и далекой от насущных проблем реальной жизни. Не найдя поддержки своим планам, группа сама собой распалась, и Даниэль вернулся в родную Болгарию.

Здесь он был принят поначалу на должность режиссера театра в Варне, а позднее, проявив свои способности и завоевав некоторую известность, приглашен в государственный Софийский театр. Тогда же организовал в Софии театральную студию, в которой обучал молодежь актерскому мастерству. Наряду с этим – совместно с болгарским поэтом Теодором Траяновым – Даниэль принимал участие в издании журнала «Гиперион», посвященного вопросам искусства. Не оставлял он в это время и деятельности, связанной с еврейскими интересами, являясь членом объединения, боровшегося за сохранение языка и ивритской культуры. Так, в частности, Даниэль имел непосредственное отношение к выходу на болгарском языке книги стихов национального еврейского поэта Х.-Н. Бялика (1921).

Проработав в столичном болгарском театре два с половиной года, он был вынужден его оставить: причиной, по всей видимости, послужили антисемитские настроения нового руководства. Даниэль вновь отправился в Вену и там присоединился к театральной труппе из Вильно, которая перебралась в Бухарест.

В Бухаресте произошла знаменательная встреча Даниэля с одним из основоположников ивритского театра в Эрец-Исраэль, актрисой Мириам Бернштейн-Коген (1895–1991), которой он изложил свое художественное *credo* и концепцию сценического искусства. С первых же слов она поняла, что имеет дело с оригинально мыслящим театральным режиссером, а главное – с единомышленником. Им еще предстояло встретиться как двум крупным деятелям ивритской сцены¹¹⁷.

---

¹¹⁶ Ibid.

¹¹⁷ М. Бернштейн-Коген упоминает Даниэля в написанной ею на иврите энциклопедической «Истории театрального искусства»: *Bernshtein-Cohen M. Toldot ha-teatron mreshit-to ve-ad yomav*. Tel Aviv, <n/y>. Am. 140, 142.

В 1926 г. Даниэль репатрировался в Эрец-Исраэль. Первоначально он явился основоположником театра, получившего имя Sadan (Наковальня), в котором удалось поставить всего три спектакля: из-за финансовых трудностей театр прекратил свое существование.

Одно из показанных театром Sadan представлений, текст которого принадлежал Авиغدору Хамеири, было посвящено трагическому безумию Первой мировой войны и так и называлось – «Shigaon gadol» («Великое безумие»). Действие, относящееся к 1914 г., начинается в одном из дешевых будапештских кабаре. Главный герой – бывший ученый, а ныне журналист, еврей Марголит – уволен редакцией газеты за то, что не передал в печать телеграмму, в которой сообщалось о разразившейся войне. Для Марголита невыносимой является сама мысль о том, что миллионы людей будут мобилизованы в армию и превратятся в пушечное мясо. Однако у тех, кто его окружает, иной взгляд на вещи. Его бывший коллега, профессор философии Гарай, и другие издевательски смеются: «Разве ты, еврей, способен испытать подлинное патриотическое чувство?» Однако разглагольствующий о гражданском долге д-р Гарай, описывающий войну как «священное испытание для того, чтобы у общества появились новые устремления вместо прогнившей старой жизни», делает всё возможное, чтобы улизнуть от отправки на фронт, в то время как Марголит записывается добровольцем на военную службу и становится героем отечества.

После того как Sadan прекратил свое краткое существование, Даниэль возглавил возникший в Тель-Авиве Художественный театр. Он, чьи культурные предпочтения имели в своей основе европейский вектор, обращается в это время к репертуару, который давал бы ему возможность проявить свои творческие амбиции и лучшие режиссерские умения. Так, одним из самых заметных спектаклей в сезоне 1926/27 гг. оказался «Костер» («Пеликан»), поставленный Даниэлем по пьесе Августа Стриндберга (на иврите – «Madura», пер. Якова Горовица). Другим спектаклем, шедшим в том же сезоне, стал мольеровский «Гарпагон».

Следующим этапом в театральной карьере Даниэля было создание Национального театра (Teatron leumi), который своим появлением не в последнюю очередь был обязан серьезным расхождениям в вопросах театральной политики, возникшим между ветеранами ивритской сцены в Эрец-Исраэль Менахемом Гнесиным (1882–1951) и упоминавшейся выше М. Бернштейн-Коген. В результате М. Бернштейн-Коген обратилась к Даниэлю как отчетливой перспективе выхода из трудного положения, в котором

оказалась еврейская сцена в это время. Инициативный и энергичный Даниэль, не скрывавший своих реформаторских притязаний, возглавил Национальный театр в качестве художественного руководителя.

Преимущество приехавшего в Эрец-Исраэль режиссера перед теми, кто поселился здесь достаточно давно и пытался на свой страх и риск строить на древней земле предков современный еврейский театр, заключалось не только в том, что он обладал высокой образованностью, острым сценическим чутьем и развитым художественным вкусом, но главным образом в профессиональной театральной школе, имевшейся за его плечами. Иными словами, в отличие от тех, кто старался приобщиться к искусству сцены зачастую любительским, дилетантским способом, Даниэль являлся подлинным профессионалом. В этом, однако, наряду с совершенно очевидными достоинствами, скрывался исток трагического разлада между его блестящими режиссерскими замыслами и проектами и тем культурным материалом – актерским и зрительским, – который имелся в наличии для превращения талантливых идей в реальное театральное зрелище и затем – в резонансное явление социальной жизни. Почти все без исключения, кто впоследствии вспоминал о Даниэле и его вкладе в строительство культуры молодого еврейского *ишува* (еврейская община до образования Государства Израиль), указывали на это драматическое противоречие, которым были отмечены титанические усилия режиссера преодолеть объективные трудности при обучении грамматике сценического искусства людей, лишенных равного его собственному опыту художественной жизни.

Это – с одной стороны. С другой же, однако, сам Даниэль был нередко крайне сбивчив и непоследователен в своих творческих исканиях, кидался из стороны в сторону, пробовал одновременно экспериментировать и оставаться в рамках традиции, начинал и бросал, не завершив начатое. Его захлестывали свежие и оригинальные идеи, однако режиссерскому методу временами недоставало четкости и строгости – качеств, совершенно необходимых для осуществления коллективного творчества, которым живет театр.

Актер Ш. Финкель, говоря о нем как о человеке, «обладавшем высокими душевными качествами, неисчерпаемым воображением, необыкновенной музыкальностью, колоссальной энергией, сердце которого было преисполнено горячей любви к искусству игры», в то же время подчеркивал, что

было жаль того, как сила его могучего воображения не всегда замечала разницу между реальностью и грезами. Это злосчастие сопровождало его и в жизни, и на сцене: бурный и горячий темперамент направлял его зачастую то в одну, то в другую сторону и делал всеядным. Он был могучим деревом без глубоких корней: если бы не этот недостаток, он, без сомнения, мог бы стать крепкой основой для «актерского театра» на наших сценах¹¹⁸.

В каком-то смысле почти в тон ему вспоминала о Даниэле упоминавшая выше М. Бернштейн-Коген, отмечая его противоречивость и непоследовательность как режиссера-практика:

Даниэль прибыл <в Эрец-Исраэль> бурный, кипучий, поджигающий других, его единственный глаз излучал огненный блеск¹¹⁹. Он бурлил двадцать четыре часа в сутки. Он был полон энергии, темпераментного неистовства бунтаря, пребывающего в театральных снах и грезах. В самом деле, он мечтал о европейском театре, европейской культуре. Он владел несколькими языками, пробовал играть на скрипке, рояле, работал, не зная усталости, с максимальной душевной и физической отдачей. Не могу сказать, чтобы этот крупнотельный человек, с единственным глазом, имел простой характер. С одной стороны, он был в состоянии днями углублять, оттачивать и полировать какую-то одну-единственную сцену и наряду с этим игнорировать многие другие, ничуть не менее важные. Он досконально знал театр, однако как организатор рабочего процесса был нервным, не имел перспективного взгляда на вещи, мгновенно возбуждался и так же быстро остывал. Временами близорукий, временами смотрящий далеко вперед. Это был характер интересного и творческого человека. Художника¹²⁰.

После смерти Даниэля один из тех, кто хорошо его знал, в будущем известный израильский поэт, композитор-песенник, переводчик и составитель словарей Эммануэль Харусси (собств. Новогребельский; 1903–1979), в некрологе, приуроченном к седьмому дню со дня кончины¹²¹, писал о творческих взлетах и падениях, достижениях и неудачах этого человека, обречшего себя на невозможность до кон-

¹¹⁸ Цит. по: *Eder A. Teatronim, Iyahakot, sakhkanim ve-bamaim* [Театры, труппы, актеры и режиссеры] // *Esrin ha-shanim ha-rishonot: Safrut ve-amanut be-Tel-Aviv ha-ktana, 1909–1929* [Двадцать первых лет: Литература и искусство в малом Тель-Авиве, 1909–1929]. Tel Aviv: Ha-kibuts ha-meukhad, 1980. Am. 86.

¹¹⁹ Даниэль с юности был слеп на один глаз.

¹²⁰ *Bernshtein-Cohen M. Toldot ha-teatron...* Am. 140.

¹²¹ По еврейской традиции, после похорон близкие родственники покойного в течение семи дней держат траур («шив'а»): не выходят из дома, не работают, принимают соболезнования и пр.; в эти дни запрещены любые развлечения, игры, бритье, стрижка волос, приобретение новых вещей и пр.

ца воплотить свои самые заветные художественные планы и проекты. Э. Харусси, который в поставленном Даниэлем спектакле «Вне закона» («Mikhuts lekhot») исполнял роль разбойника Хинеса, имел возможность наблюдать его с близкого расстояния. Он трагически нес свой профессиональный крест, говорилось в некрологе Э. Харусси: сами условия работы – неопытные актеры, неподготовленные зрители, отсутствие условий, необходимых для организации сложного театрального дела, прежде всего экономических, социальных и психологических, – всё это в совокупности не давало проявиться художественному таланту Даниэля в должной мере. Более того, возможно, это ускорило его смерть в неполные 47 лет¹²².

Поставленный по пьесе Л. Лунца (пер. М. Харизмана) спектакль «Вне закона», который упоминал Э. Харусси, – первый из поставленных Даниэлем на подмостках Национального театра (1928). Ключевым для режиссера-постановщика явился тот аллегорический концепт, которой автор всячески акцентировал в предисловии к пьесе: «Я хотел написать пьесу, – писал Л. Лунц, – вне установленного времени и пространства. Испания – условна» (предисловие к пьесе и биографическая справка о Л. Лунце были включены Даниэлем в программку спектакля наряду с перечнем действующих лиц и исполнителей). Судя по всему, этот спектакль не сумел стать крупным событием в культурной жизни еврейского *ишува*. Годы спустя актер Я. Тиман, исполнявший в нем роль Алонсо Энрикеса, признавался в одном из интервью, что его игра была малоудачной. «Сейчас мне ясно, – продолжал он, – что тогда я был слишком молод, чтобы понять всю глубину этого образа. Для актера великое счастье, если он получает такую роль даже раз в десять лет, но только в подходящем для нее возрасте»¹²³.

Вторым спектаклем, поставленным Даниэлем в Национальном театре, была «Юдифь» по пьесе Ф. Гёббеля (сам режиссер сыграл роль Олоферна).

Следует указать на то, что активность Даниэля как театрально-го деятеля не сводилась в Эрец-Исраэль исключительно к режиссерскому и актерскому творчеству, но преследовала более широкие культурно-образовательные и культурно-просветительские задачи. Одним из проявлений его просветительской политики явилось то, что в программках к поставленным им спектаклям, помимо обычных

¹²² *Harusi E. Yitskhak M. Daniel (shiv'a le-ptirato)* [Ицхак М. Даниэль (семь дней после смерти)] // *Davar* (Tel Aviv). 1942. № 5236, 24.09. Am. 2.

¹²³ «Ani rotse she-hakagal sheli yutsakhek»: Sikha <Ofra Aligon> im Yakov Timan [«Я хочу, чтобы мой зритель смеялся»: Беседа <Офры Алигон> с Яковом Тиманом] // *Davar*. 1950. 17.03. Am. 3.

рубрик, дающих информацию о ролях и их исполнителях, сообщавших какие-то сведения об авторе и его пьесе и пр., присутствовали общеобразовательные тексты, рассчитанные на популярные объяснения природы сценической игры, значения театра в жизни общества, фрагменты из истории драматического искусства и пр. Но главное – в них формулировалось творческое *я верую* Даниэля как идеолога нового еврейского театра и, пусть в самой общей и скорее в эмоциональной, нежели конкретно-конструктивной форме, манифестировалась его программа. Так, в статье «Likrat teatron mekorim» (букв.: Навстречу подлинному театру), включенной в программку упомянутого спектакля «Юдифь», Даниэль объяснял, что представлял собой театр в древности, как были устроены зал и сцена, каковы были декорации и приемы актерской игры, популярно растолковывал понятия амфитеатра, оркестры, авансцены, просцениума и пр., т.е., по существу, знакомил публику с азами театра как такового. Давая далее краткий обзор истории театра, он переходил к современности, и именно к театральной современности Эрец-Исраэль. Основная мысль автора статьи содержалась в ее заключительной части: речь шла о создании своего, еврейского, театра, хотя и связанного с мировой театральной традицией, но «не <древне>греческого и не европейского», а опирающегося на собственный национальный репертуар, психологию и культуру. «Это и будет подлинно еврейский театр», – завершал Даниэль свою статью, указывая на то, что невозможно заранее предугадать и с предельной точностью определить дорогу, ведущую к этой цели, и только каждодневная упорная работа сумеет ответить на этот вопрос.

Еще одним спектаклем, поставленным Даниэлем в Национальном театре Эрец-Исраэль, был «Шабтай Цви» по пьесе польского прозаика, поэта и драматурга Ежи Жулавского – одна из многочисленных драматических интерпретаций судьбы прославленного еврейского лжемессии. В заметках, напечатанных в программке к спектаклю, Даниэль дает интерпретацию Шабтая Цви как исторической фигуры и свое понимание того художественного образа, в который она воплощена драматургом. Рассуждая о том, кто такой Шабтай Цви, он писал, что для него как режиссера первостепенное значение имели не исторические факты, а само явление этого человека как таковое. Таким образом, задумывая данный спектакль, Даниэль подходил к проблеме мессианства не с точки зрения конкретно-биографической, не как к индивидуальной практике, пусть и имевшей широкий и звучный исторический резонанс, но прежде всего как к социально-нравственному феномену, захватывающему и за-

кручивающему в свою воронку разнообразные аспекты философии еретизма, который, в его глазах, выходил далеко за пределы определенных географических и исторических границ.

К сожалению, творческий энтузиазм Даниэля был не в состоянии преодолеть реальные сложности экономического порядка, и после четырех спектаклей новое театральное предприятие, по существу, завершило свою краткую историю. Пережив минуты нешуточного отчаяния, Даниэль был вынужден оставить Эрец-Исраэль – он отправился сначала в Германию, потом в США. Однако через год вновь вернулся в Землю обетованную¹²⁴.

В апреле 1928 г. Даниэль основал театр *Matate* (Метла) и стал его первым директором. Основным идейным направлением театра стала политическая и социальная сатира, и он приобрел огромную зрительскую популярность. Несмотря, однако, на вроде бы известное признание, которого он добился, Даниэль, который жил в постоянном неудовлетворении достигнутым, в 1932 г. оставил *Matate*. Впоследствии он вернется в этот театр, в прямом и переносном смысле созданный его руками, однако жить ему останется после этого совсем недолго – лишь несколько месяцев.

Творческие метания Даниэля, являвшиеся следствием того, что он не находил полного удовлетворения практически ни в чем, за что брался, были, конечно, хорошо видны и понятны его окружению. И наиболее чувствительные и преданные из друзей не могли, разумеется, не относиться с сочувствием к этим мучительным попыткам талантливого художника преодолеть немислимые трудности и препятствия на пути культурных инвестиций. Одним из них был поэт Александр Пэнн (1906–1972), человек с весьма причудливой биографией, для кого драма Даниэля в каком-то смысле напоминала его собственные житейские и творческие взлеты и падения.

А. Пэнн родился в Якутии, в Нижнеколымске, воспитывался без родителей, у деда, после смерти которого, в 10-летнем возрасте, начал скитаться по России. С 1920 г. он осел в Москве, окончил там среднюю школу, учился в Институте слова, занимался в технике по кинематографии, выступал боксером на ринге. Особое место в его жизни, начиная с юных лет, занимала русская поэзия – он сам писал стихи (стихотворение «Беспризорный» было опубликовано в журнале «Крестьянская нива»), боготворил современных ему поэтов: С. Есенина (которого, как вытекает из публикуемого ниже

¹²⁴ Об этом периоде в его жизни см.: *Zar-Zion Sh. Ha-teatron ha-aretsisraeli: tnuva bein periferiyot tarbutiyot* [Театр в Эрец-Исраэль: развитие между культурными перифериями] // *Zmanim*. 2007. № 99. Ам. 16–25.

письма, он знал лично), Б. Пастернака и особенно В. Маяковского, что впоследствии нашло яркое отражение в его поэтическом стиле и переводческой деятельности. Пэнн покинул Россию и перебрался в Эрец-Исраэль в 1927 г., т.е. спустя не очень продолжительное время после того, как здесь появился Даниэль. Иврита он с детства не знал, стал изучать его только в Эрец-Исраэль и изучил так, что начал писать на нем стихи.

Когда и как Даниэль познакомился с Пэнном, точно неизвестно. Однако сохранился любопытный документ – письмо Пэнна Вс. Мейерхольду, датированное 12 октября 1931 г., в котором он обращается к выдающемуся режиссеру и просит того оказать содействие или, по крайней мере, помочь советом, чтобы Даниэль мог попасть в Советский Союз, как выразились бы позднее, «на стажировку».

Политическая наивность письма Пэнна была, конечно, налицо. Представить, что в 1931 г. в СССР мог въехать человек из Эрец-Исраэль, далекий от социалистических убеждений, лишь ради того, чтобы развивать и оттачивать свое режиссерское мастерство, мог только неисправимый идеалист. Рекомендация Даниэля как революционера театра ничего, конечно, по существу не меняла: режим нуждался не в бунтарях, а в верноподданных слугах. Если аттестация Даниэля как революционного художника и могла произвести впечатление на Мейерхольда, то этим впечатлением всё и завершилось бы: импортировать в страну подобного рода «смутьянов» советские власти, безусловно, не стали.

Мы не знаем, как Мейерхольд отнесся к этому письму, однако почти нет сомнений в том, что он на него не ответил. Да и отвечать, собственно, было нечего, а тем более предпринимать какие-либо усилия и обращаться с ходатайством в «высшие инстанции». Однако сам по себе этот документ крайне небезынтересен и заслуживает быть приведенным здесь полностью.

Tel Aviv 12–10–1931 г.

Добрый день, уважаемый тов. Мейерхольд!

Сразу же оговариваюсь: не удивляйтесь всему письму по мере того, как Вы будете его читать. Мне хочется, обратившись к Вам, выяснить ряд вопросов, связанных с Вашей профессией – театром. Здесь, в Палестине, сейчас находится молодой болгарский режиссер (еврей) И.М. Даниэль, который после двухлетнего пребывания здесь был приглашен Народным Государственным театром Софии для постановки «Кориолана», который (Вам, вероятно, об этом известно)

произвел сенсацию. Не только там, но и большая часть европейской театральной печати в течение продолжительного времени находила, что постановка «Кориолана» И.М. Даниэля <—> это шаг вперед в театре, в революционном смысле. Этот человек с высшим театральным образованием, по нутру своему бунтарскому и по всему своему способу понимания театрального искусства, революционен до мозга костей и выражает сильное желание работать в «настоящем», как он говорит, театре, который бы был следствием практической, жизненной революции. Он думает о современном русском театре и о его потенциальных возможностях. Этот человек, не имеющий прямой связи с С.С.Р <sic>, обратился ко мне. Я со своей стороны решил, что самое правильное будет обратиться с таким вопросом к Вам, ибо мне памятен 22-ой год, когда я имел возможность убедиться в Вашей искренности и честности в вопросах искусства.

Весь вопрос заключается в следующем: каким образом смог бы этот молодой талантливый режиссер попасть в С.С.Р., дабы он смог там посмотреть, поучиться и сделать несколько экспериментов в этой области?

Вы – человек, стоящий так близко ко всему этому, смогли бы дать надлежащий совет и посодействовать этому.

Я глубоко убежден, что Вы отнесетесь к этому с достойной Вас серьезностью и ответите на письмо. Таким образом мне хотелось бы связать Вас непосредственно с И.М. Даниэлем.

Крепко жму Вашу руку.

Заранее благодарный за ответ

Александр Пэн

P.S. Приветствуйте тов. З. Райх. С ней мы встречались в Банковском переулке у Сергея <Есенина>.

Мой адрес:

Palestina

Tel-Aviv

P.O.B. 238

Alexandr Pen¹²⁵

К одному из новых начинаний Даниэля после Matate относится организация театральных зрелищ в тель-авивском кафе «Smadar» и превращение его в некую разновидность кабарежного театра. Когда в 1939 г. «Smadar» прекратило свое существование, упрямый Даниэль продолжал развивать идеи кабарежного искусства в другом тель-авивском кафе – «Herkia ha-shishi» («Шестое небо»).

С Кнудом Даниэль, по всей видимости, познакомился, когда тот впервые посетил Палестину осенью 1937 г. Январем 1939 г. датировано его письмо Кнуду (в подлиннике по-французски).

¹²⁵ РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2280. Л. 1–1 об.

Дорогой г-н Кнут,

Надеюсь, что Вы не совсем забыли меня, как не забыли наши веселые тель-авивские посиделки. Мы все о Вас часто вспоминаем, свидетельством чему является это мое письмо и то предложение, которое я хочу Вам сделать.

Помните наш последний разговор о судьбах еврейского театра, когда Вы сказали, что национальный театр нельзя представить без соответствующей ему национальной формы? Я тогда прямо возликовал, увидев в Вас единомышленника. И вот теперь Вы должны доказать, что это были не только красивые слова, но и Ваше *credo* еврейского поэта и человека, живущего теми же творческими грезами, которыми живем мы.

Я хочу, чтобы Вы написали поэтическую ораторию о сегодняшней еврейской жизни. Это должно быть произведение, в котором выразился бы дух современного еврея, где бы он ни жил – в Марокко, Палестине, Европе, России или США. Поэма о еврейском духе, преодолевающем автономность и ограниченность каждого из нас и рассказывающая о нас как о едином народе.

Я хотел бы, чтобы Вы написали такую вещь, а я поставлю ее здесь, в Палестине, на сцене. С будущим переводчиком этого текста на иврит, Авраамом Шленским, я уже говорил, и он дал свое полное согласие участвовать в таком предприятии. Очень надеюсь, что я сумею и Вас воспламенить своим замыслом и Вы почувствуете творческую потребность в написании такого произведения, а следом за ней придет вдохновение, необходимое для воплощения столь грандиозного замысла.

Простите, дорогой Кнут, что я, наверное, изъясняюсь недостаточно конкретно. Однако я верю в Вашу поэтическую интуицию и в Вашу еврейскую душу, которая не нуждается в долгих и скучных объяснениях, – Вы, конечно же, сразу поймете, о каких символических масштабах я говорю, и по достоинству оцените мое предложение. Мне кажется, что Вас не может не взволновать эта тема. И у меня нет сомнения, что Вы с ней справитесь, как никто другой. Вы один из немногих еврейских поэтов сегодняшнего дня, кому она по силам. И это вовсе не красивые слова, а мое искреннее убеждение.

Жду от Вас скорого и положительного ответа.

Ваш Исаак Даниэль

Следует заметить, что в творческой копилке Кнута уже имелся прецедент поэтической оратории – хорового чтения его стихов «Героический марш», которому были приданы черты театрального представления. Этот своеобразный поэтический спектакль был поставлен режиссером парижского театра d'Odeon Ицхаком Сидерским

(Свидерским) и показан на вечере Кнута в Союзе молодых поэтов и писателей 20 июня 1925 г. Знал ли об этом Даниэль – история умалчивает. Не исключено, что Кнут во время их встречи мог упомянуть о своеобразном опыте связать его поэзию со сценическим зрелищем, хотя более вероятно, что для Даниэля, обычно ни у кого не заимствовавшего свои творческие идеи, это было вполне самостоятельное решение. Как можно думать, он воспринял личность и творчество Кнута как явление глубоко национальное, лежащее в едином русле с собственными художественными исканиями, и именно эта интуитивно ощущаемая связь подвигла его, одного из самых неистовых строителей еврейского театра в Эрец-Исраэль, обратиться к поэту с приведенным выше письмом. К сожалению, на реализацию данного проекта у обоих уже не доставало времени: через несколько месяцев после этого письма началась Вторая мировая война, а 16 сентября 1942 г. Даниэля не стало: он умер в тель-авивской больнице Хадаса, заразившись тифом. Похоронен на кладбище Нахалат Ицхак в Тель-Авиве.

8. «Мы из разных миров – на друг друга вдруг стали похожи»

Четыре письма к А.А. Скрябиной

Вторая жена Кнута Ариадна Александровна Скрябина (1905–1944) была дочерью выдающегося русского композитора А.Н. Скрябина. Будучи человеком художественно одаренным – поэтесса (в 1924 г. в Париже вышел ее сборник «Стихи»¹²⁶), прозаик (во второй половине 1930-х гг. ею писалась повесть «Лея Лившиц», пропавшая в годы войны вместе со всеми другими бумагами), блестящая пианистка, человек, не лишенный сценического дара, – она, будучи максималисткой и в жизни и в искусстве, заметных творче-

¹²⁶ 29 апреля 1924 г. Ариадна принимала участие в вечере, посвященном поэту Б. Божневу, на котором, кроме нее, выступали А. Гингер, Г. Евангулов, В. Кемецкий, В. Познер, Б. Поплавский и др. (Последние новости. 1924. № 1235, 3 мая). Стихи Ариадна начала писать в юношеском возрасте, см. запись в дневнике близко ее знавшей О. Бессарабовой, датированную 1 марта 1922 г., т.е. еще до того, как она попала в эмиграцию: «Ариадне Скрябиной 16 лет. Она пишет мистерию, которая кончается смертью всех участвующих в ней. Настоящей смертью на костре на Красной площади. Хотят пойти к патриарху, чтобы он благословил ее на эту мистерию и смерть, добровольную жертву и искупление за все зло и весь ужас, который царствует в мире, в России, на Поволжье – всюду. И на Западе, в Европе и особенно у нас. Она очень красива» (Марина Цветаева – Борис Бессарабов: Хроника 1921 года в документах. Дневники Ольги Бессарабовой. 1916–1925 / Вступ. ст., подгот. текста, сост. Н.А. Громовой; коммент. Н.А. Громовой, Г.П. Мельник, В.И. Холкина. М.: Эллис Лак, 2010. С. 441).

Д. Кнут и А. Скрябина. Лето 1938

ских следов после себя не оставила, живя, с одной стороны, в тени величия собственного отца, а с другой, не испытывая достаточных сил для тяжбы с художественными гигантами. А ее устраивала лишь роль первой во всем.

Попав в эмиграцию после смерти матери, Т.Ф. Шлецер, невенчанной вдовы композитора, которой не стало в 1922 г., Ариадна, как уже говорилось, первым браком была замужем за Д. Лазарусом¹²⁷,

¹²⁷ См. в письме К. Бальмонта к Д. Шаховской от 18 августа 1924 г. из Шатейлена (к тому времени Ариадна уже была замужем и беременна старшей дочерью Татьяной-Мирьям): «Сейчас Миррка <дочь Бальмонта, близкая подруга Скрябиной> хохочет с Ариад-

вторым – за дружившим с Кнутом французским писателем Р. Межаном. Именно совместная, Межана и Кнута, творческая работа привела к тому, что последний стал зачастую бывать в их доме, где во второй половине 1930-х гг. сблизился с Ариадной. 30 марта 1940 г. они официально оформили свои отношения¹²⁸, а в апреле она прошла *гиюр* (переход в еврейство) и обрела новое имя Сарра. Перед самой оккупацией немцами Парижа Кнут и Ариадна с тремя детьми от ее первых двух браков бежали в Тулузу, где создали подпольную Еврейскую Боевую Организацию, ставшую частью движения Сопротивления. В ее рядах Ариадна и погибла: она была убита 22 июля 1944 г. в перестрелке с французской милицией, раскрывшей явочную квартиру подпольщиков.

Пережив расставание с Кнутом, который, спасаясь от преследовавшего его гестапо, был вынужден бежать в Швейцарию и укрыться там, Ариадна, не сумев превозмочь женское одиночество, вступила в любовную связь с одним из подпольщиков, молодым бельгийским евреем Раулем Леоном (Raoul Leons). Когда до Кнута дошли слухи об этой связи, его реакция была сурово-безжалостной. 7 июля 1944 г., за две недели до смерти Ариадны, он писал в Палестину упоминавшейся Е. Киршнер:

Огrrромная любовь (я покинул ее невероятно влюбленной в своего мужа) не пережила нашей разлуки. Пошлая история об уехавшем муже, которому... нашли замену. Замена – мальчик 26 лет, по-видимому, необыкновенно соблазнительный: высокий, белокурый, аристократичный, героичный.

Я бы, может быть (вероятно), простил Ариадне (это значит, что я смог бы расстаться с ней по-дружески), но она погрузилась в грязное болото низких обманов, дурацких хитростей (ее авантюра оглупила ее до смешного), и я даже не знаю, какое чувство из двух, которые меня охватили, сильнее: отвращение или презрение. Это не слова, поверь.

Sic transit...

ной Скрябиной-Лазариус. Сегодня препожаловала с мужем»; через два дня, 20 августа, ей же: «У нас гостит Ариадна. Муж ее вернулся в Париж на 10 дней, потом возвратится, и они будут жить в вилле напротив нас. Я рад хорошей музыке. Конечно, он не Прокофьев, но действительно талантлив. Пишет музыку к одной любопытной Индусской сказке»; в письме от 29 августа всё тому же адресату Бальмонт величает Лазаруса «музыкально-буржуазным мужем» («Мы встретимся в солнечном луче»: Письма Константина Бальмонта к Дагмар Шаховской: 1920–1926 / Вступ. ст. Р. Бёрда и Ф. Черкасовой; предисл. С. Шейлз; публ., сост., подгот. текста, примеч. Р. Бёрда, Ф. Черкасовой. М.: Русский путь, 2014. С. 495, 497, 504).

¹²⁸ См. в письме Скрябиной от 2 апреля 1940 г., адресованном в Палестину их с Кнутом близкой приятельнице Е. Киршнер: «Евуличка, золотко родное, в субботу <т.е. 30 марта> состоялась наша свадьба» (*Кнут Д.* Собрание сочинений... Т. 2. С. 204).

Она не остановилась перед разрушением семьи, принеся в жертву двух невинных (Эли носит мое имя и думает, что он мой сын).

Меня от этого так тошнит, что я даже не стал ее упрекать: много чести. Прекратил переписку совершенно¹²⁹.

Признаюсь тебе: таков уж я. Открыв, что она такая низкая, такая вульгарная (обычная самка, подобно многим другим), я ощутил облегчение своей боли, но удар был жестокий и в моей истории не помещается.

Говоришь себе: Ариадна – всего-навсего *это*? Чего же стоит мир? Я пережил трудные месяцы¹³⁰.

Их «примирение» – не житейское, а духовное, то, что находится не на земных, а на «воздушных путях», – произошло только перед смертью Кнута и отразилось в его строках, написанных в Израиле в 1950-е гг. и обращенных к Ариадне (стихи публикуются впервые):

Лишь с годами постиг: всё на свете устроено сложно,
Лишь с годами узнал, что вернуть никого не дано...
Мы из разных миров – на друг друга вдруг стали похожи
И из двух половин вдруг составили что-то одно.

О, как призрачно здесь – на планете глухой и громадной,
Как непрочен покой и незначим душевный порыв!..
Ты вошла в этот мир юной девочкой, чистой, нарядной,
И ушла из него, своей кровью его обогрив.

Как изменчиво всё... Но и всё же, и всё же, и всё же –
Открывается это не сразу, не вовсе, не вдруг, –
Но всё больше и больше я чувствую собственной кожей,
Как меня наполняет твой огненно-дышащий дух.

А прощание наше? Едва ли то было прощанье...
И пронзительной боли хоть чувствую я острие,
До конца моих дней в мировом сохранится дыханье
И прощальный твой взгляд, и последнее слово твое.

Публикуемые четыре письма Кнута Ариадне написаны им во время путешествия в Палестину, которое он, как было отмечено выше (см. примеч. 71), совершил летом – осенью 1937 г.

¹²⁹ Три письма Ариадны Кнуту, относящиеся к этому периоду (от 23 октября 1943 г., 9 января и 13 мая 1944 г.), опубликованы: Хазан В. Довид Кнут, Александр Гингер и другие // Русское зарубежье и Вторая мировая война: IV Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 28–29 марта 2011 года) / Сост. И.Ю. Белякова. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2013. С. 333–336.

¹³⁰ Кнут Д. Собрание сочинений... Т. 2. С. 249.

1

26/7/<19>37

Понедельник

Генуя

6 ч<асов> утра

Милая Арочка,

Начну с деловой коммерческой части, ибо – вечером должен приехать Гельперн¹³¹, и тогда допишу некоммерческую часть.

У меня к тебе важные просьбы:

1) Отвечай всегда на все поставленные мной вопросы (дабы не повторял я их в след<ующем> письме)

2) Точно выполняй мои указания и подтверждай их: так, напр<имер>, сказано ли Варшавскому, *чтоб он не говорил Кернесу*, что работает со мной? Если Kernès про это уже знает, ни в коем случае не говорить, где наши дойные коровы пасутся. Есть причины. Со

¹³¹ Иеремия (Иермиягу) Гальперин (Гальперн, Гельперн), или, как все его называли, Ирма, родился в Смоленске в семье Михаэля и Сары Гальпериных в 1901 г. В 12-ти летнем возрасте приехал с матерью в Палестину (отец, с юности проникнутый сионистско-социалистическими идеями, уже находился здесь). Учился в первой еврейской гимназии в Тель-Авиве, получившей название Герцлия. В 1919–1920 гг. занимался организацией отрядов еврейской самообороны в Иерусалиме, тогда же познакомился с одним из сионистских лидеров В. Жаботинским, жившим в то время в Святом городе. В середине 1920-х гг. стал членом Бейтара (Брит [Союз] Йосеф Трумпельдор) – военно-молодежной сионистской организации, созданной в 1923 г. в Риге и получившей имя героя еврейского народа Йосефа (Йосифа) Трумпельдора. Почти сразу выдвинулся на одно из лидирующих мест в этой организации, возглавив тель-авивскую бейтаровскую дружину. С 1931 по 1935 гг. являлся слушателем парижских Высших военно-научных курсов, созданных по инициативе видного теоретика-баталиста и военного историка генерала Н.Н. Головина. Именно тогда произошло его знакомство с Кнутом, см. фотографию, относящуюся к этому периоду, где они запечатлены вместе с парижской возлюбленной Ирмы (*Кнут Д. Собрание сочинений... Т. 2 <фотокладка, с. 469>*). Живя в Париже, Гальперин хорошо был известен в русской эмигрантской среде: именно его имел в виду В. Яновский, когда писал о Скрябиной, принявшей «еврейство, причем с таким “черносотенным” оттенком, что бывавший на Монпарнасе капитан единственного израильского учебного судна с отвращением зажимал уши, когда Ариадна начинала проповедовать и убеждать “инноверцев”» (*Яновский В.С. Поля Елисейские: Книга памяти / Предисл. Н.Г. Мельникова; коммент. О.А. Коростелева, Н.Г. Мельникова. М.: Астрель, 2012. С. 358*). Именно тогда, в Париже, оформилась идея организации еврейской Морской школы Бейтара, местом базирования которой стал итальянский город Чивитавеккья, а Гальперин стал ее руководителем. Морская школа владела собственным судном, получившим название «Сара Алеф» (или «Сара I», «Sara Primo») в честь Сары Яковлевны Киршнер, жены промышленника Ефима Марковича Киршнера, пожертвовавшего деньги на его приобретение; именно на нем Кнут совершил путешествие в Палестину. Более подробно об этом см.: *Хазан В. Одиссея капитана Боевского: Русский моряк в Земле обетованной. М.: Дом еврейской книги, 2007.*

своей стороны, я в точности выполняю наше с Кернесом соглашение (о чем подтвердил ему открыткой)¹³²

3) Скажи П¹³³, чтоб он заменил объявление (в витрине) на rue Poncelet: наклеил извещение, что «le dollar vaut 50 jetons»¹³⁴ (ви-сит: 25 jetons)

4) Посылать мне подробные *relevé des comptes*¹³⁵. Может быть, потребуются указания (видишь, что я правильно распорядился на-счет обмена аппаратами и rue Boutebrie. Ты – умница, что выполнила директивы начальства. Пользуюсь случаем, целую за это).

На том и остановлюсь, чтоб пойти пить какао и вернуться к пись-му вечером, а то и завтра утром, после приезда капитана.

5 часов вечер

Солнышко, Гельперн приедет через три дня (теоретически мож-но тогда немедленно сняться с якоря). К большой своей радости по-лучил сегодня твое второе письмо.

Знаешь ли ты, что в Vivrots можно поехать поездом (до St. Sulpice près Vernouil), оттуда «taxi» отвезет тебя за 10 фр<анков> к Mady¹³⁶. «Запреты» снимаю. Надеюсь, что ничем не рискую (т.е. что не уро-нишь нашего достоинства в нетрезвом состоянии).

Спроси Тамару¹³⁷, каталась ли она на «парусе» (парусной лодке) в Средиземном море. Это – почище переживаний на деревянных гор-ках выставки. Можешь не беспокоиться: я трусливо захватил с собою спасательный пояс.

Купи, солнышко, приемлемую бумагу, дабы не писать на бумаж-ках иного назначения. Я же, со своей стороны, обещаю сделать то же.

¹³² Речь идет о попытках Кнута учредить собственный печатный орган и найти под него финансирование; в конце концов ему это удалось: в 1939 г. он стал редактором ев-рейского еженедельника на французском языке «Affirmation». Борис Игнатъевич Варшав-ский (1885–1960) – журналист; представитель газеты «Последние новости» в Софии; с 1924 г. жил в Париже, где служил в торговом доме Мерцль и Ко и занимался журна-листской деятельностью. По всей видимости, Кнут привлек его в качестве потенциально-го соучредителя печатного органа (или временного компаньона). Однако, возможно, речь идет о прозаике, публицисте, литературном критике Владимире Сергеевиче Варшавском (1906–1978), см. финал кнотовского письма Ариадне от 31 августа – 1 сентября 1937 г., где речь идет именно о нем.

¹³³ Неустановленное лицо.

¹³⁴ Доллар стóит 50 жетонов (*фр.*). Речь идет об одном из финансовых предприятий Кнута, в котором участвовала и Скрабина.

¹³⁵ выписки по счетам (*фр.*).

¹³⁶ По-видимому, имеется в виду художник-карикатурист Михаил Александрович Дризо (1887–1953), подписывавший свои работы Mad. О связях Кнута с Mad'ом ничего не известно; возможно, они контактировали по поводу намечающегося печатного издания, см. примеч. 132.

¹³⁷ Близкая приятельница Кнута и Ариадны. Возможно, с ней как-то связан отложив-шийся в НАК черновой набросок аллитерационного и даже отчасти палиндромного толка: «Мара – Тамара – Марат – Тарарам / В раме мараю портрет по утрам».

Посмотри в annuaire ¹³⁸ адрес В. Kaufman, cinéaste¹³⁹, rue Geofroy-St.-Hilaire, и спроси от моего имени: хочет и может ли он сделать documentaire или небольшой фильм (сценарий состряпаем вместе, у меня имеется идея) из жизни «Sara Primo» и путешествия в Палестину – и дальше (минимум – Палестина)¹⁴⁰. Объясни, что «Sara Primo» – судно еврейской морской школы, что это – живописный парусник с мотором.

В случае положительного ответа – *сколько для этого нужно денег*. Школа очень бедна! (С Кауфманом можешь говорить по-русски.)

Заодно – пошли мне его адрес – т<о> есть номер дома. Мой телефонный адрес (сообщи ему):

Carmina

Knout

Genova

Italie

Лодка едет в город. Кончаю письмо. Привет всем. Целую.

Д<овид>

2

Море. Воскресенье. 22 августа

8 час<ов> вечера

Милая женушка,

сегодня всего пятый день плавания, мне не верится, что еще несколько дней назад я с тобой беседовал, гулял, мог обнять... При чем это не литературная метафора: я, действительно, не могу усвоить этого. Кажется, долгие месяцы отдаляют меня от моего итальянского счастья¹⁴¹.

Вздумал писать тебе время от времени, хоть это и будет отвлекать меня от других занятий. А я и так разленился до неприличия. De la correspondance en conserve!¹⁴²

¹³⁸ справочнике, адресной книге (*фр.*).

¹³⁹ Имеется в виду известный кинооператор Борис Абрамович (Абелевич) Кауфман (1906–1980), брат советских кинематографистов Д. Вертова и М. Кауфмана, приехавший во Францию в 1927 г. и работавший с целым рядом крупных французских кинорежиссеров, включая Ж. Виго, Кристиан-Жака, М. Аллере и др. В годы Второй мировой войны перебрался за океан (США, Канада, снова США), работал вместе с кинорежиссером Э. Казаном: наибольший успех выпал на долю их фильма «В порту» («On the Waterfront», 1954), удостоенного Оскара и Золотого глобуса. Кнут, судя по дневнику (см.: *Хазан В. «Некая бухгалтерия жизни»...*), поддерживал с ним приятельские отношения.

¹⁴⁰ Такой фильм снят не был.

¹⁴¹ Ариадна сопровождала Кнута из Парижа до Генуи, откуда отплывала «Сара Алеф» и где они расстались.

¹⁴² Из законсервированной корреспонденции! (*фр.*)

До сих пор – не плавание, а курорт, как говорит капитан. Или, выражаясь, словами судового журнала: *calme de mer et de vent*¹⁴³.

Ребятацы, полуголые, иные с ножами за поясом – очень похожи на пиратов.

Старик брюзжит, расстроил себе желудок, но – в общем, кроток – еще выбросят в море, пойдя потом доказывая, что ты не верблюд¹⁴⁴.

А ты, верно, намучилась без курева. С другой стороны, как бы я обрадовался, если б ты ограничила себя пятью папиросами в день!

Один матросик сказал мне: видно, что Ваша супруга малокровная. В этом, увы, сходятся все: начиная с Бьянки и кончая Маршаком¹⁴⁵, а ты всё куришь.

Униженно прошу, окажи милость: кури пять штук в день, не больше, окажи уважение!

Прочел у Мориака:

«Le comble de l'éducation pour un homme extraordinaire est d'avoir l'air le plus ordinaire possible»¹⁴⁶. Ты поймешь, зачем я это тебе пишу (продолжение одного из последних генуэзских разговоров). Знаю и твой ответ!

Мы прошли Корсику, Сардинию, подошли к Сицилии (перед Сицилией и Харибдой!)

Прошли мимо маленького вулканического острова – Stromboli. Зрелище воистину потрясающее: у подножья дымящегося вулкана – прелестная (в бинокль) деревушка, где люди живут, работают, поют?!? *Час утра* (значит, уже 23 число).

Только что проснулся, вышел на палубу и узнал, что у Мессины к нам, может быть, подойдут рыбаки (с близкого берега) и возьмут корреспонденцию.

Солнышко мое, всё идет прекрасно, «Сарочка» скользит, как на рельсах; и как я смеюсь – до сих пор не понадобились волшебные пилюли! Надеюсь, ты не изводишь себя недостойным беспокойством (Бьянки рассказывал, что отлучался на 2 года – и на 28 месяцев!!).

Умоляю, будь умницей, развлекайся, жди письма, как нормальный человек.

Понеси, пожалуйста, немедленно! прилагаемую заметку в «<Последние> Новости»». Газету много читают в Палестине – заметка может оказать услугу¹⁴⁷.

¹⁴³ спокойствие моря и ветра (*фр.*).

¹⁴⁴ Под «стариком» подразумевается итальянец Бьянки, профессиональный мореход, которого Еврейская морская школа наняла на службу в качестве капитана «Сары Алеф».

¹⁴⁵ Речь идет о ком-то из широко известной в русском эмигрантском Париже медицинской династии Маршаков.

¹⁴⁶ Вершина образованности для незаурядного человека – выглядеть до предела заурядно (*фр.*). Локализовать цитируемый Кнутом текст Ф. Мориака не удалось.

¹⁴⁷ Этой не появившейся в «Последних новостях» заметкой был сохранившийся в НАК очерк «Безумие Израиля».

Следующее мое письмо отправлю, *по-видимому*, через 10–12 дней, т.е. уже в сентябре.

Прижимаю тебя к сердцу.

Д<овид>

Гельперн усиленно кланяется. Знаешь, кто тут самый интересный мой собеседник – Димон¹⁴⁸.

Привет Люсе¹⁴⁹, Еве¹⁵⁰, Тамаре¹⁵¹.

<на полях 1-й страницы> Knout Sara-Primo boite postale 918
Naïfa
Palestine

Крайне важно: мы сначала прибываем в Хайфу, где пробудем дней 15. Это – первый мой адрес¹⁵². Второй ты знаешь (на всяк<ий> случай сообщи и Еве). Целую, целую,

Д<овид>

<на полях 2-й страницы> 29 или 30 <августа>. Как видишь, не удалось передать письмо мессинским рыбакам – мы проходили в неудобное время.

Приближаемся к Кипру. Ничего не добавляю к письму, чтоб не отяжелить его, хочу отправить воздушной почтой. Передай заметку в газету Александру Абрамовичу Полякову (à partir de 2¼ h<eure> пополудни)¹⁵³. Скажешь, что она отправлена из Мессины. После Кипра – 30 часов до Хайфы. Жду писем, корректур и, скажем, 500 фр<анков>. (А может, дать их жене палестинского кузена Евы, что теперь в Париже, а он мне даст их в Палестине?!¹⁵⁴) С капитаном

¹⁴⁸ Неустановленное лицо.

¹⁴⁹ Одна из родственниц Кнута, ее имя многократно встречается в его дневнике.

¹⁵⁰ Ева (Хава) Яковлевна Кишнер (1913–2006), психолог; ближайшая приятельница Кнута и Ариадны. В 1940 г. репатрировалась из Парижа в Палестину. Ей принадлежит заслуга сохранения кнотовского архива.

¹⁵¹ См. примеч. 137.

¹⁵² О хайфском адресе Кнута см. примеч. 71.

¹⁵³ Об А.А. Полякове см. примеч. 31.

¹⁵⁴ Речь идет об И.Н. Шапиро, который в это время был одним из главных специалистов по электроэнергетике в Палестине. В письме к Е. Кишнер от 15 ноября 1937 г. Кнут пишет о нем как человеке замечательном, краугольным, одном из «тайных и скромных героев Палестины» и – за аристократические манеры и душевное благородство – называет «халуцом в белом воротничке, или халуцом в смокинге» (*Кнут Д. Собрание сочинений...* Т. 2. С. 172; халуц [*ивр.*] – первопроходец, пионер). Сохранился экземпляр кнотовских «Избранных стихов» с дарственной надписью: «Дорогому Иосифу Шапиро – в знак дружбы и исключительного уважения. Д. Кнут. Тель-Авив, ноябрь 49 г.» (Tel Aviv Public Library).

Бьянки решил комбинации не делать *ни в коем случае*. Нежно тебя целую = свет моей жизни, *sois sage*¹⁵⁵!

Твой Д<овид>

3

31 августа 1937
Между Кипром и Хайфой

Милая Арочка,

Ты ничего не видела – ты не была со мной на Кипре! Ты не была со мной в Лимассоле и не ужинала в турецкой харчевне – то есть прямо на улице, где твой стул задевают проходящие мимо мулы и ослики с кладью. А турецкий арак <--> великое изобретение и тоже презрения твоего не заслуживает.

Не знаю, получила ли ты уже письмо, отправленное с острова Кипр. Между прочим: с «*correspondance en conserve*» ничего не вышло! Терзаюсь тем, что из скупости не подписал телеграмму: ты способна переволноваться из-за пустяка.

Путешествие – великая вещь, Арочка, и я понимаю презрение путешественников к оседлому населению. Не надо только путешествовать по-куковски¹⁵⁶. Как и во всем остальном, и тут требуется – талант и удача. В крайнем случае, одна – из двух этих вещей. (Существуют, например, люди, способные приехать в Геную и не пойти в гости к Ван-Дейку!!!)¹⁵⁷

1 сент<ября>
1 час утра (т.е. ночь)

С минуты на минуту должны открыть маяк с горы Кармел¹⁵⁸. Над нами палестинское небо, т.е. полное «неслыханного» количества ярких звезд.

5 ч<асов> утра
Не спал всю ночь – не спалось

¹⁵⁵ будь умницей (*фр.*)

¹⁵⁶ Джеймс Кук (1728–1779) – английский военный моряк, путешественник-исследователь и картограф.

¹⁵⁷ Рассказывая в «Альбоме путешественника» о времени, проведенном с Ариадной в Генуе, Кнут пишет: «Не забыты: Мурильо в тесной лавке старьевщика, собор, церковь Вознесения, дворцы знати, разбогатевших генуэзских пиратов, стеснительный тяжеловесный комфорт кладбища, неотступные – на всю жизнь запомнившиеся – глаза ван-дейковского “Христа, несущего крест”». По всей видимости, фраза о людях, способных «приехать в Геную и не пойти в гости к Ван-Дейку», связана с ее нежеланием посещать музеи и картинные галереи.

¹⁵⁸ Кармел (Кармель) – горная гряда на северо-западе Палестины (Израиля), на которой расположен город Хайфа.

Только что открыли маяк (мы подходили под таким углом, что он не был виден). Ясны береговые очертания Галилеи.

5½ утра

Из-за Галилейских гор поднимается солнце.

На корабле лихорадка утренней уборки. Бросаю перо, чтоб помыться, побриться, отдохнуть. Последующие палестинские впечатления пойдут в дневник путешествия. Обнимаю Арочку. Путешествовали безболезненно, одну только ночь швыряло людей и предметы!

4 часа дня (пополудни: 16 ч<асов>)

Часов в 10 бросили якорь перед Хайфой. На набережной огромная толпа. Но их заставили разойтись (английская полиция). Всё это – происки левых, ссорящиеся <sic> с ревизионистами¹⁵⁹. (Кстати, основа Новой Сионистской Организации Жаботинского: борьба за еврейское государство по *обеим сторонам* Иордана и *насаждение* духа Торы [приблизит<ельный> перевод их формулы].)

После разгона публики часть ее, добившись специальных полицейских пропусков, подошла к «Сарре» на шлюпках и моторных лодках с пением еврейского гимна.

Торжественная минута. После – суматоха, толкотня, кинооператор (местн<ые> актуалите¹⁶⁰) заставили постоять перед аппаратами.

Вот и торчим шесть часов на «Сарре», но скоро, кажется, сойдем в город. Призываю себя к порядку, чтоб не поддаваться сентиментальничанью и – трезво во всё вникнуть en évitant la facilité et l'attendrissement¹⁶¹: все-таки здесь жили те люди, далеким потомком которых я являюсь, случайно продолжив бесконечную многотысячелетнюю цепь.

Супруга Гельперна¹⁶² (она сейчас на борту) сообщила, что для меня имеется несколько писем в Tel-Aviv. К сожалению, она забыла их в Tel-Aviv, а мы – пока – в Хайфе.

Если не удастся заполучить их сегодня-завтра, отправлю тебе сие письмецо до прочтения твоего (твоих?!)

¹⁵⁹ В середине 1920-х гг. сионистское движение раскололось на два лагеря – на левых (рабочее, социалистическое направление) и – во главе с В. Жаботинским – правых (ревизионистов, программа которых предполагала установление еврейского большинства в Палестине и в конечном счете создание еврейского государства по обе стороны Иордана). Кнут, не будучи формально членом ревизионистской партии, духовно принадлежал именно этому движению: был близок к В. Жаботинскому, печатался в ревизионистском издании на русском языке – парижском еженедельнике «Рассвет». Сама Морская школа в Чивитавеккья и парусник «Сара Алеф», на котором он отправился в Палестину, были ревизионистской собственностью и ревизионистскими предприятиями.

¹⁶⁰ От actualité (*фр.*) – новости, хроника, текущие события.

¹⁶¹ избега верхоглядства и умиления (*фр.*).

¹⁶² Рахель Гальперин (Гальперн, Гельперн [урожд. Беркович]; 1902–1988), жена Ирмы.

Прижимаю к сердцу. Помню Люсю, Еву, детенышей, Тамару, Варшавского¹⁶³, Червинскую¹⁶⁴.

Д<овид>

4

Тель-Авив. 16/11/<19>37

Женушка,

на следующий – после последнего к тебе письма – день, ответив Еве на письмо, просил ее сообщить тебе, что я решил не ехать в Иерусалим до введения военных судов¹⁶⁵. Кроме этого, останусь в Иерусалиме не более двух дней. Таким образом, беспокоиться тебе оснований нет. Впрочем, Ева получит письмо накануне получения тобой настоящего извещения и, пожалуй, не успеет тебя предупредить.

Я совершенно уверен, что у Миркина сегодня найдется для меня письмо от тебя (а то – где же справедливость, уже неск<олько> дней, как я его жду). Сейчас пойду к нему и продолжу письмо.

Был у Миркина – никаких писем. Грустно и беспокожно. Забываешь мужа. А муж помнит – всегда, в любую минуту, наполненную до отказа палестинского дня.

Был сегодня в тель-авивском «Гайд-Парке». Представь себе чахлый пыльный садик, где целый день толкутся оборванные грязные евреи. В центре каждой кучки – пламенный жестикулирующий оратор. Нередко их – два, а то и несколько, перебивают друг друга. Это – еврейское дно, но пьяны они не от вина, а от нищеты и разговоров. Нескончаемые беседы и споры – политика, священные книги, – нередко большой субтильности и высокой философии. В большинстве случаев – русские местечковые евреи; идишь этих ораторов весь пересыпан русскими словечками, а то – и целыми фразами.

Я туда попал случайно, au hasard d'une promenade¹⁶⁶, очутившись, в виде исключения, один (вечно окружают люди!). Оказываются, они там собираются ежедневно, тель-авивские мудрецы. Типы, типы, типы. Представь себе мое удивление, когда старый грязный оборванец закричал на идиш:

Да пусть весь мир идет к черту за мой компот! А вы говорите: стрелять, рисковать жизнью. Я не знаю вещи в мире, которая стоила

¹⁶³ См. примеч. 132.

¹⁶⁴ Лидия Давидовна Червинская (1907–1988) – поэтесса, литературный критик.

¹⁶⁵ В письме, датированном предыдущим днем, 15 ноября, Кнут писал Е. Киршнер: «Евочка, сообщите Ариадне, что я отложил поездку в Иерусалим до 18-го <ноября>, когда вступят в силу военные законы (смерть – за ношение оружия) и безопасность. Спасибо заранее» (*Шапиро Г.* Десять писем Довида Кнута // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1986. Vol XXVII. № 2. Avril–juin. P. 199; *Кнут Д.* Собрание сочинений... Т. 2. С. 173).

¹⁶⁶ во время случайной прогулки (*фр.*).

бы моей драгоценной жизни. Я слишком молод, <—> орал старик, — я еще вовсе не жил.

И вдруг — потомок библейских пророков:

Все вы, слушающие сейчас меня, и те, кого вы оставили дома, грязные, лживые, подлые псы, а я ниже самого низкого из вас... Кто такой еврейский народ? Вор — на воре, сволочь.

Я отозвал его в сторону после бесконечной его речи и спросил, не согласится ли он оказать мне честь — взять 5 пиастров (явно — умирает с голоду, он выразился — по ходу речи — «да, я был богат, а сейчас славлюсь тем, что живу, ничем не питаюсь»). Он взял, прибавив: Вы напрасно не дали их мне при всем народе. Я не стыжусь брать у людей деньги. Я стыжусь вещей, которые другие обыкновенно не стыдятся, а взять у человека деньги на хлеб — мне не стыдно...»

Другой ораторствовал об еврейском избранничестве, развивая тему в сторону покорности Богу, приятия изгнания, вечного страдания, мученичества...

Преинтересно. Жаль, что у меня нет времени их послушать. Справедливость требует отметить, что стоять в их толпе страшновато: грязные и вонючие.

Вот тебе — кусочек впечатлений. С трудом урвал на это время. Концерт был очень хорош (вернее, оркестр — а вещи были, в общем, мимоидущие: Ritmica, Ostinato — Vogel, concert in D-minor с солистом скрипачом (Вассерман, хорошо) Bruch'а и фантастич<еская> симфония Verlioz'а. Публика — жадная (дорогие места, в стране — кризис, а было — полно!) и жалкая в вестиментарном отношении (фраки, смокинги и кухаркин стиль — разнобой!)

Будь здорова и благоразумна. Напиши честно — о делах. Отвечай всегда на вопросы. Ставь запятую перед «что». («Датам» ты научилась.)

Твой Д<овид>

И.Г. Миркин — приятель Кнута, тель-авивским адресом которого он пользовался для получения почты во время своего палестинского путешествия. И.Г. Миркин служил в Ипотечном банке в Тель-Авиве, упомянутом в «Альбоме путешественника»:

<Палестина —> Страна высокой культуры. Стандарт жизни высок — комфортабельной гигиене позавидует Европа. В Ипотечном банке в Тель-Авиве служащие сушат руки горячим воздухом, летом дышат охлажденным воздухом. Я заглянул в кооперативный ресторан для служащих — уютные стеклянные столики, изящная обстановка, на каждом столике цветы. Банк этот не специальная достопримечательность, и я посетил его по собственному почину¹⁶⁷.

¹⁶⁷ Кнут Д. Собрание сочинений... Т. 1. С. 245.

Позднее Миркин переселился в Иерусалим, где продолжал заниматься банковской деятельностью. Вместе с тем живо интересовался проблемами искусства, о чем, например, свидетельствует его письмо Е.Д. Шору, в архиве которого сохранилось письмо И. Миркина к нему и ответ на него (1521/19). Для расширения сведений о круге кнотовских палестинских знакомств имеет смысл привести их полностью.

<1>¹⁶⁸

11.П.<19>44

Многоуважаемый Шор,

Я говорил с Вами некоторое время тому назад о моем желании прочесть доклад на русском яз<ыке> на тему «Антиеврейские мотивы в христиан<ском> религиозном искусстве» (живопись, скульптура etc.). Может быть, Вы могли бы помочь мне в этом отношении? Был бы очень благодарен. Я здесь в Т<ель> А<виве> до конца будущей недели. Живу в Ерусалиме, но приехал сюда побыть с моим сыном, приехавшим в отпуск. Буду благодарен за ответ, либо письменный, либо по телефону, лучше всего с утра до 10 ч<асов> утра.

С уважением

И. Миркин

<на полях> Привет Надежде Рафаиловне¹⁶⁹.

<2>¹⁷⁰

Многоуважаемый г. Миркин

сердечно благодарю Вас за Ваше письмо от 11 2 <19>44. Я несколько раз пытался дозвониться Вам в Тальпиот, но ни разу не удалось мне застать Вас дома. Вскоре после этого мы оба, моя жена и я, заболели сильным гриппом и только теперь начинаем оправляться от него. Просил я также и свою сестру позвонить Вам по телефону в гостиницу, но и ей тоже не удалось побеседовать с Вами.

С большим удовольствием я исполню Ваше желание и помогу в устройстве доклада. Будьте добры, сообщите мне, когда Вы снова будете в Тель-Авиве и где и когда можно будет застать Вас по телефону, чтобы сговориться о свидании.

Шлю Вам самые лучшие приветы.

С искренним уважением

<Е. Шор>

¹⁶⁸ Написано на почтовой бумаге Hotel Talpioth (Tel Aviv, 52, Achad Haam St., P.O.B. 601; Phone 3183).

¹⁶⁹ Жена Шора.

¹⁷⁰ 2-й машинописный экземпляр.

Рассказ о «еврейских мудрецах», собирающихся в «тель-авивском Гайд-парке», Кнут включил в «Альбом путешественника»:

С Тель-Авивом у меня связано замечательное воспоминание. Я как-то забрел в единственный, пыльный и чахлый, общественный садик.

Оказалось, что это – род тель-авивского «Гайд-Парка», где целый день толкуются оборванные, грязные люди.

В центре каждой кучки – пламенный жестикулирующий оратор, а то и два или – даже – несколько, то и дело перебивающих друг друга.

Эти люди кажется пьяными, но пьяны они не от вина, а от нищеты и разговоров.

Нескончаемые беседы и споры – политика, священные тексты – нередко большой subtilности.

В большинстве своем – местечковые русские евреи. Идиш ораторов пересыпан русскими словечками, а то и целыми фразами.

Собираются тель-авивские мудрецы ежедневно.

Велико было мое удивление, когда старый оборванец закричал на идиш, невольно перефразируя Достоевского:

– Да пусть весь мир идет к черту за мой компот! Вы говорите, иди стрелять, рисковать жизнью. Я не знаю такой вещи в мире, которая бы стоила моей драгоценной жизни. Слишком я себе дорог, чтоб рисковать собой. Я слишком молод, – злобно орал старик, – я еще вовсе не жил!¹⁷¹

И вдруг – прямой потомок библейских пророков:

– Все вы, и слушающие сейчас меня, и те, кого вы оставили дома, – грязные, подлые псы, а я – ниже самого низкого из вас. Что такое еврейский народ? Вор на воре, сволочь. Хорошим вещам учил вас Моисей. Обмануть египтян перед исходом из Египта. Одолжите, пожалуйста, подсвечник на два, мол, дня, а там – пиши пропало! Хорошо это? А?¹⁷²

Кто-то ему вкрадчиво возразил:

– А что? Им много платили за их каторжные работы? Так это они забрали в счет жалованья!

Все расхохотались.

¹⁷¹ Аллюзия на следующий фрагмент из «Записок из подполья» Достоевского: «Мне надо спокойствия. Да я за то, чтоб меня не беспокоили, весь свет сейчас же за копейку продам. Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить» (*Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 5: Повести и рассказы. 1862–1866. Л.: Наука, 1973. С. 174).

¹⁷² Имеется в виду следующее место в Ветхом Завете, где Господь, обращаясь к Моисею, говорит: «И дам народу сему милость в глазах Египтян; и когда пойдете, то пойдете не с пустыми руками. Каждая женщина выпросит у соседки своей и у живущей в доме ее вещей серебряных и вещей золотых, и одежд, и вы нарядите ими и сыновей ваших и дочерей ваших, и оберете Египтян» (Исх. 3: 21–22).

В другой кучке худенький старичок ораторствовал о еврейском избранничестве, развивая тему в смысле необходимости покориться Богу, прития изгнания, вечного странствования, мученичества...

– Если мы избраны, как вы говорите, то почему мы так страдаем? – спросил голос сзади.

– Потому и страдаем, что избраны, – грустно ответил старичок.

В тот день я уезжал из Тель-Авива и больше к тель-авивским мудрецам не возвращался¹⁷³.

Литература

Адамович Г. Памяти ушедших. Р.Н. Гринберг // Русская мысль. 1970. № 2774, 22 янв. С. 11.

Адамович Г. Письма Роману Гринбергу / Публ. Вадима и Веры Крейд // Новый журнал. 2000. № 218. С. 141–151.

Басалаев И. Записи бесед с Ахматовой (1961–1963) / Публ. Е.М. Царенковой; примеч. И. Колосова и Н. Крайневой // Минувшее: Исторический альманах. 23. СПб.: Atheneum-Феникс, 1998. С. 561–593.

Бем А.Л. Письма о литературе / Сост. и авторы предисл. М. Бубеникова, Л. Вахаловска; отв. ред. Л. Белошевская. Praha: Slovanský ústav, Eurislavica, 1996.

Берберова Н.Н. Курсив мой: Автобиография / Вступ. ст. Е.В. Витковского; коммент. В.П. Кочетова, Г.И. Мосешвили. М.: Согласие, 1996.

Бердяева Л.Ю. Профессия: жена философа / Сост., предисл. и коммент. Е.В. Бронниковой. М.: Мол. гвардия, 2002.

Валюженич А.В. Рядом с Маяковским // Нива (Астана). 1999. № 1.

Вильданова Р., Кудрявцев В., Лаппо-Данилевский К. Краткий биографический словарь русского зарубежья // Струве Г. Русская литература в изгнании. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. С. 276–386.

Гейзер М. Сплетение миров: Заметки о жизни и творчестве Довида Кнута // Лехаим (Москва). 2003. № 4. С. 40–43. URL: <https://lechaim.ru/ARHIV/132/imena.htm>.

Гингер А.С. Стихотворительное одержанье: Стихи, проза, статьи, письма: В 2 т. / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Хазана. М.: Водолей, 2013.

Голлербах С. Нью-Йоркский блокнот: Книга воспоминаний. Нью-Йорк: The New Review Publishing, 2013.

Гомолицкий Л. Сочинения русского периода: В 3 т. / Под общ. ред. Л. Флейшмана. М.: Водолей, 2011.

Гринберг Р. Вечер поэзии Набокова глазами современника / Вступ., публ. и коммент. Ю. Левинга // Октябрь. 2007. № 7. С. 185–190.

Заграница (Воспоминания Г.В. Алексеева и очерк Б.А. Пильняка) / Публ. Е.И. Горской // Встречи с прошлым. 7. М.: Сов. Россия, 1990. С. 157–195.

«Дребезжание моих ржавых струн...»: Из переписки Владимира и Веры Набоковых и Романа Гринберга (1940–1967) / Публ., предисл. и коммент. Р. Янгирова // In memoriam: Исторический сборник памяти А.И. Добкина. СПб.; Париж: Феникс-Atheneum, 2000. С. 345–397.

¹⁷³ *Кнут Д.* Собрание сочинений... Т. 1. С. 235–236.

Друзья, бабочки и монстры: Из переписки Владимира и Веры Набоковых с Романом Гринбергом (1943–1967) / Вступ. ст., публ. и коммент. Р. Янгирова // Диаспора: Новые материалы. I. Париж; СПб.: Athenaeum; Феникс, 2001. С. 477–556.

Дымерская-Цигельман Л. Альманах «Воздушные пути» и его издатель-редактор Роман Гринберг // Евреи в культуре Русского Зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Т. 5 / Сост. и изд. М. Пархомовский. Иерусалим, 1996. С. 135–152.

«Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М.: Библиотечка-фонд «Русское Зарубежье»: Русский путь, 2008.

Иванов Г.В. Собрание сочинений: В 3 т. М.: Согласие, 1994. Т. 2: Проза / Сост., подгот. текста Е.В. Витковского, В.П. Крейда; коммент. В.П. Крейда, Г.И. Мосешвили.

Кнорринг И. После всего: Стихи 1920–1942 гг. / Предисл., сост., подгот. текста к печати и примеч. А.Л. Жовтиса. Алма-Ата: Вариант, 1993.

Кнорринг И.Н. Повесть из собственной жизни: В 2 т. / Подгот. текста Н.Н. Кнорринг, Н.М. Черновой; коммент., аннот. указ. имен И.М. Невзоровой. М.: Аграф, 2013.

Кнут Д. Собрание сочинений: В 2 т. / Сост. и коммент. В. Хазана; вступ. ст. Д. Сегала. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 1997–1998.

Левинг Ю. Набоков, который рядом (Письма к С.И. Розову: 1945–1976) // Иерусалимский журнал. 1999. № 2. С. 142–160.

Мандельштамовские материалы в архиве М. Талова / Публ. М. Таловой при участии А. Чулковой; предисл. и коммент. Л. Видгофа // Вопросы литературы. 2007. № 6. С. 330–338.

Марина Цветаева – Борис Бессарабов: Хроника 1921 года в документах. Дневники Ольги Бессарабовой. 1916–1925 / Вступ. ст., подгот. текста, сост. Н.А. Громовай; коммент. Н.А. Громовай, Г.П. Мельник, В.И. Холкина. М.: Эллис Лак, 2010.

«Мы встретимся в солнечном луче»: Письма Константина Бальмонта к Дагмар Шаховской: 1920–1926 / Вступ. ст. Р. Бёрда и Ф. Черкасовой; предисл. С. Шейлз; публ., сост., подгот. текста, примеч. Р. Бёрда, Ф. Черкасовой. М.: Русский путь, 2014.

«Мы служим не партиям, не государству, а человеку»: Из истории журнала «Опыт» и альманаха «Воздушные пути» / Публ., вступ. ст. и примеч. В. Хазана // Toronto Slavic Quarterly. 2009. № 29. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/29/hazan29.shtml>.

Незабытые могилы: Российское зарубежье: Некрологи 1917–1997: В 6 т. / Сост. В.Н. Чуваков. М.: РГБ, 1999–2007.

Переписка Г.В. Адамовича с Р.Н. Гринбергом: 1953–1967 / Публ., подгот. текста и коммент. О.А. Коростелева // Литературоведческий журнал. 2003. № 17. С. 97–182.

Письма запрещенных людей: Литература и жизнь эмиграции: 1950–1980-е годы: По материалам архива И.В. Чиннова / Сост. О.Ф. Кузнецова. М.: ИМЛИ РАН, 2003.

Прегель С. Разговор с памятью: Поэзия, проза, очерки и статьи: В 2 т. / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Хазана. М.: Водолей, 2017.

Проект «Акмеизм» / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова // Новое литературное обозрение. 2002. № 58. С. 140–180.

Роман Гринберг и Роман Яacobсон: Материалы к истории взаимоотношений / Вступ. ст., публ. и примеч. Р. Янгирова // Роман Яacobсон: Тексты, документы, исследования / Отв. ред. Х. Баран, С.М. Гиндин. М.: РГГУ, 1999. С. 201–212.

Российское зарубежье во Франции 1919–2000: Биографический словарь: В 3 т. / Под общ. ред. Л. Мнухина [et. al]. М.: Наука; Дом-музей М. Цветаевой, 2008–2010.

Седых А. Памяти Р.Н. Гринберга // Новое русское слово. 1969. № 21746, 27 дек. С. 3.

Сосинский В. Конурка (Об Алексее Ремизове, Александре Алехине, братьях Модильяни и других) / Публ. С. Сосинского-Семихата // Вопросы литературы. 1991. № 6. С. 167–207.

Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Предисл., публ. и коммент. Н.А. Богомолова // Диаспора: Новые материалы. V. СПб.: Феникс, 2003. С. 402–557

Талов М. Воспоминания. Стихи. Переводы / Сост. и коммент. М.А. Таловой, Т.М. Таловой, А.Д. Чулковой. М.: МИК; Париж: Альбатрос, 2005.

«... Там у нас самый жадный и благодарный читатель...»: Переписка редакторов журналов «Грани» и «Мосты» с редактором альманаха «Воздушные пути» / Предисл., публ. и примеч. Г. Глушанок // Периодическая печать российской эмиграции. 1920–2000 / Под ред. Ю.А. Полякова и О.В. Будницкого. М.: Институт российской истории РАН, 2009.

Толстой И. Курсив эпохи: Литературные заметки. СПб.: Пушкинский фонд, 1993.

Федоров Ф.П. Довид Кнут. М.: МИК, 2005.

Хазан В. Довид Кнут, Александр Гингер и другие // Русское зарубежье и Вторая мировая война: IV Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 28–29 марта 2011 года) / Сост. И.Ю. Белякова. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2013. С. 333–336.

Хазан В. Довид Кнут: Судьба и творчество. Lyon: Centre d'Études Slaves André Liron-delle; Université Jean-Moulin, 2000.

Хазан В. «Некая бухгалтерия жизни»: Дневник Довида Кнута 1934–1937 // Новый журнал. 2014. № 274.

Хазан В. Одиссея капитана Боевского: Русский моряк в Земле обетованной. М.: Дом еврейской книги, 2007.

Хазан В. «Семь лет»: история издания (Переписка В.С. Варшавского с Р.Н. Гринбергом) // Новый журнал. 2010. № 258. С. 177–224.

Ходасевич В. Камер-фурьерский журнал / Вступ. ст., подгот. текста, указ. О.Р. Демидовой. М.: Эллис Лак, 2002.

Шapiro Г. Десять писем Довида Кнута // Cahiers du monde russe et sovetique. 1986. Vol XXVII. № 2. Avril–juin.

Янгиров Р. К истории «встречи двух эмиграций». Документ из архива Р.Н. Гринберга // Canadian-American Slavic Studies. 2003. Vol. 37. № 1/2. С. 121–131.

Янгиров Р. «Пример тавтологии»: Заметки о войне Владимира Набокова с Георгием Ивановым // Диаспора: Новые материалы. VII. Париж; СПб.: Athenaeum–Феникс, 2005. С. 596–618.

Янгфельдт Б. Любовь это сердце всего: В.В. Маяковский и Л.Ю. Брик: Переписка 1915–1930. М.: Книга, 1991.

Яновский В.С. Поля Елисейские: Книга памяти / Предисл. Н.Г. Мельникова; коммент. О.А. Коростелева, Н.Г. Мельникова. М.: Астрель, 2012.

Яцен В. Письма русских мыслителей в базельском архиве Фрица Либа // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2001–2002 годы / Под ред. М.А. Колерова. М.: Три квадрата, 2002. С. 227–563.

An Anthology of Jewish-Russian Literature: Two Centuries of Dual Identity in Prose and Poetry <In two vol.> / Ed., selected, and co-translated, with introductory essays by Maxim D. Shrayer. New York: M. E. Sharpe, 2007.

Khodasevich V, Margolina-Khodasevich O. Unpublished Letters to Nina Berberova / Ed. by R.D. Sylvester. Berkeley, 1979 (Modern Russian Literature and Culture, Studies and Texts, vol. 3).

References

Adamovich G. Pamiati ushedshikh. R.N. Grinberg [In Memory of the Departed. R.N. Grinberg]. In: *Russkaia mysl'* [Russian Thought], 1970, № 2774, 22 ianv, p. 11. (In Russ.)

Adamovich G. Pis'ma Romanu Grinbergu [Letters to Roman Grinberg], publ. Vadima i Very Kreid. In: *Novyi zhurnal* [The New Review], 2000, № 218, pp. 141–151. (In Russ.)

An Anthology of Jewish-Russian Literature: Two Centuries of Dual Identity in Prose and Poetry <In two vol.> / Ed., selected, and co-translated, with introductory essays by Maxim D. Shrayer. New York: M. E. Sharpe, 2007.

Basalaeв I. Zapisi besed s Akhmatovoi (1961–1963) [Records of Conversations with Akhmatova], publ. E.M. Tsarenkovi; primech. I. Kolosova i N. Krainevoi. In: *Mimvshee: Istoricheskii al'manakh* [The Past: Historical almanac]. 23. Saint Petersburg: Atheneum-Feniks Publ., 1998, pp. 561–593. (In Russ.)

Bem A.L. Pis'ma o literature [Letters on Literature], sost. i avtory predisl. M. Bubenikova, L. Vakhlovskaya, otv. red. L. Beloshevskaia. Praha: Slovanský ústav, Eurislavica, 1996. (In Russ.)

Berberova N.N. *Kursiv moi: Avtobiografiia* [The Italics are Mine: Autobiography], vstup. st. E.V. Vitkovskogo, komment. V.P. Kochetova, G.I. Moseshvili. Moscow, Soglasie Publ., 1996. (In Russ.)

Berdiaeva L.Iu. *Professiia: zhena filosofa* [Profession: Philosopher's Wife], sost., predisl. i komment. E.V. Bronnikovoi. Moscow, Mol. gvardiia Publ., 2002. (In Russ.)

«Drebezzhanie moikh rzhavykh strun...»: Iz perepiski Vladimira i Very Nabokovykh i Romana Grinberga (1940–1967) [“The Rattling of My Rusty Strings...”: From Vladimir and Vera Nabokov's Correspondence with Roman Grinberg (1940–1967)], publ., predisl. i komment. R. Iangirova. In: *In memoriam: Istoricheskii sbornik pamiati A.I. Dobkina* [In Memoriam: A historical collection in memory of A.I. Dobkin]. Saint Petersburg, Parizh, Feniks-Atheneum Publ., 2000, pp. 345–397. (In Russ.)

Druz'ia, babochki i monstry: Iz perepiski Vladimira i Very Nabokovykh s Romanom Grinbergom (1943–1967) [Friends, Butterflies and Monsters: From Vladimir and Vera Nabokov's Correspondence with Roman Grinberg (1943–1967)], vstup. st., publ. i komment. R. Iangirova. In: *Diaspora: Novye materialy. I* [Diaspora: New materials. I]. Parizh, Saint Petersburg, Atheneum, Feniks Publ., 2001, pp. 477–556. (In Russ.)

Dymerskaia-Tsigel'man L. Al'manakh «Vozdushnye puti» i ego izdatel'-redaktor Roman Grinberg [The Almanac “Airways” and its Publisher-editor Roman Grinberg]. In: *Evrei v kul'ture Russkogo Zarubezh'ia: Stat'i, publikatsii, memuary i esse. T. 5* [Jews in Russian Émigré Culture: Articles, publications, memoirs and essays. Vol. 5], sost. i izd. M. Parkhomovskii. Ierusalim, 1996, pp. 135–152. (In Russ.)

«Esli chudo voobshche vozmozhno za granitsej...»: Epokha 1950-kh gg. v perepiske russkikh literatorov-emigrantov [“If a Miracle Is Possible Abroad After All...”: The era of 1950s in the correspondence of Russian émigré men of letters], sost., predisl. i primech. O.A. Korosteleva. Moscow, Biblioteka-fond «Russkoe Zarubezh'e», Russkii put' Publ., 2008. (In Russ.)

Fedorov F.P. *Dovid Knut* [Dovid Knout]. Moscow, MIK Publ., 2005. (In Russ.)

Geizer M. Spletienie mirov: Zametki o zhizni i tvorchestve Dovid Knuta [The Interweaving of the Wolds: Notes on Dovid Knout's Life and Works]. In: *Lekhaim* (Moscow), 2003, № 4, pp. 40–43. URL: <https://lechain.ru/ARHIV/132/imena.htm>. (In Russ.)

Ginger A.S. Stikhotvoritel'noe oderzhan'e: Stikhi, proza, stat'i, pis'ma: V 2 t. [Poetic Possession: Poems, prose, articles, letters. In 2 vol.], sost., podgot. teksta, vstup. st. i komment. V. Khazana. Moscow, Vodolei Publ., 2013. (In Russ.)

Gollerbakh S. *N'iu-Iorkskii bloknot: Kniga vospominanii* [The New York Notebook: A book of memoirs]. N'iu-Iork: The New Review Publishing, 2013. (In Russ.)

Gomolitskii L. *Sochineniia russkogo perioda: V 3 t.* [Works of the Russian Period. In 3 vol.], pod obshch. red. L. Fleishmana. Moscow, Vodolei Publ., 2011. (In Russ.)

Grinberg R. Večer poezii Nabokova glazami sovremennika [Nabokov's Poetry Evening Through Contemporary's Eyes], vstup., publ. i komment. Iu. Levinga. In: *Oktiabr'* [October]. 2007. № 7, pp. 185–190. (In Russ.)

Iangfel'dt B. *Liubov' eto serdtse vsego: V.V. Maiakovskii i L.Iu. Brik: Perepiska 1915–1930* [Love Is the Heart of Everything: V.V. Mayakovsky and L.Yu. Brik: Correspondence 1915–1930]. M.: Kniga Publ., 1991. (In Russ.)

Iangiurov R. K istorii «vstrechi dvukh emigratsii». Dokument iz arkhiva R.N. Grinberga [To the History of the “meeting of two émigrés”: A document from R.N. Grinberg's papers]. In: *Canadian-American Slavic Studies*, 2003, vol. 37, № 1/2, pp. 121–131. (In Russ.)

Iangiurov R. «Primer tautologii»: Zametki o voine Vladimira Nabokova s Georgiem Ivanovym [“An Example of Tautology”: Notes on Vladimir Nabokov's War With Georgy Ivanov]. In: *Diaspora: Novye materialy. VII* [Diaspora: New materials. VII]. Parizh, Saint Petersburg, Athenaeum-Feniks Publ., 2005, pp. 596–618. (In Russ.)

Ianovskii V.S. *Polia Eliseiskie: Kniga pamiati* [Champs-Élysées: A book of memory], predisl. N.G. Mel'nikova, komment. O.A. Korosteleva, N.G. Mel'nikova. Moscow, Astrel' Publ., 2012. (In Russ.)

Iantsen V. Pis'ma russkikh myslitelei v bazel'skom arkhive Fritsa Liba [Letters of Russian philosophers in Fritz Lieb's Basel collection]. In: *Issledovaniia po istorii russkoi mysli: Ezhegodnik za 2001–2002 gody* [Studies on the history of Russian thought: Annual for 2001–2002], pod red. M.A. Kolerova. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2002, pp. 227–563. (In Russ.)

Ivanov G.V. *Sobranie sochinenii: V 3 t.* [Collected Works in 3 vol.]. Moscow, Soglasie Publ., 1994. T. 2: *Proza* [Vol. 2: Prose], sost., podgot. teksta E.V. Vitkovskogo, V.P. Kreida, komment. V.P. Kreida, G.I. Mosheshvili. (In Russ.)

Khazan V. Dovid Knut, Aleksandr Ginger i drugie [Dovid Knout, Alexander Ginger and others]. In: *Russkoe zarubezh'e i Vtoraia mirovaia voina: IV Kul'turologicheskie chteniia «Russkaia emigratsiia XX veka» (Moskva, 28–29 marta 2011 goda)* [Russian Émigré and Second World War: The 4th culturological readings “Russian Émigré of the XXth Century” (Moscow, March 28–29, 2011)], sost. I.Iu. Beliakova. Moscow, Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi Publ., 2013, pp. 333–336. (In Russ.)

Khazan V. *Dovid Knut: Sud'ba i tvorchestvo* [Dovid Knout: Life and Works]. Lyon: Centre d'Études Slaves André Lirondelle; Université Jean-Moulin, 2000. (In Russ.)

Khazan V. «Nekaia bukhgalteriiia zhizni»: Dnevnik Doviida Knuta 1934–1937 [“A Sort of Life Accounting”: Dovid Knout's Diary 1934–1937]. In: *Novyi zhurnal* [The New Review], 2014, № 274. (In Russ.)

Khazan V. *Odisseia kapitana Boevskogo: Russkii moriak v Zemle obetovannoi* [Captain Boevsky's Odyssey: A Russian Sailor in the Promised Land]. Moscow, Dom evreiskoi knigi Publ., 2007. (In Russ.)

Khazan V. «Sem' let»: istoriia izdaniia (Perepiska V.S. Varshavskogo s R.N. Grinbergom) [“Seven Years”: Publishing History (V.S. Varshavsky's Correspondence with R.N. Grinberg)]. In: *Novyi zhurnal* [The New Review], 2010, № 258, pp. 177–224. (In Russ.)

Khodasevich V. *Kamer-fur'erskii zhurnal* [The Chamber-Fourier Journal], vstup. st., podgot. teksta, ukaz. O.R. Demidovoi. Moscow, Ellis Lak Publ., 2002. (In Russ.)

Khodasevich V., Margolina-Khodasevich O. *Unpublished Letters to Nina Berberova*, ed. by R.D. Sylvester. Berkeley, 1979. (Modern Russian Literature and Culture, Studies and Texts, vol. 3). (In Russ.)

Knorrning I. *Posle vsego: Stikhi 1920–1942 gg.* [After All: Poems 1920–1942], Predisl., sost., podgot. teksta k pečati i primech. A.L. Zhovtisa. Alma-Ata, Variant Publ., 1993. (In Russ.)

Knorrning I.N. *Povest' iz sobstvennoi zhizni: V 2 t.* [A Story From My Own Life. In 2 vol.], podgot. teksta N.N. Knorrning, N.M. Chernovoi, komment., annot. ukaz. imen I.M. Nevzorovoi. Moscow, Agraf Publ., 2013. (In Russ.)

Knout E. *La Ronde des mouches.* Paris, J. Vigneau, 1947.

Knut D. *Sobranie sochinenii: V 2 t.* [Collected Works in 2 vol.], sost. i komment. V. Khazana, vstup. st. D. Segala. Jerusalem, The Hebrew University of Jerusalem, 1997–1998. (In Russ.)

Leving Iu. *Nabokov, kotoryi riadom (Pis'ma k S.I. Rozovu: 1945–1976)* [The Nabokov Nearby (Letters to S.I. Rozov. 1945–1976)]. In: *Ierusalimskii zhurnal* [The Jerusalem Review], 1999, № 2, pp. 142–160. (In Russ.)

Mandel'shtamovskie materialy v arkhive M. Talova [Mandelstam Materials in M. Talov's Papers], publ. M. Talovoi pri uchastii A. Chulkovoi, predisl. i komment. L. Vidgofa. In: *Voprosy literatury* [Literary Issues], 2007, № 6, pp. 330–338. (In Russ.)

Marina Tsvetaeva – Boris Bessarabov: Khronika 1921 goda v dokumentakh. Dnevnik Ol'gi Bessarabovoi. 1916–1925 [Marina Tsvetaeva – Boris Bessarabov: 1921 chronicle according to documents. Olga Bessarabova's diaries. 1916–1925], Vstup. st., podgot. teksta, sost. N.A. Gromovoi, komment. N.A. Gromovoi, G.P. Mel'nik, V.I. Kholkina. Moscow, Ellis Lak Publ., 2010. (In Russ.)

«My sluzhim ne partiiam, ne gosudarstvu, a cheloveku»: Iz istorii zhurnala «Opyty» i al'manakha «Vozdushnye puti» [“Our Service Is not for Parties, not for a State, but for a Person”: Excerpts on the history of “Experiments” and “Airways”], publ., vstup. st. i primech. V. Khazana. In: *Toronto Slavic Quarterly*, 2009, № 29. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/29/hazan29.shtml>. (In Russ.)

«My vstretimsia v solnechnom luche»: *Pis'ma Konstantina Bal'monta k Dagmar Shakhovskoi: 1920–1926* [“We'll Meet in the Sunbeam”: Letters from Konstantin Balmont to Dagmar Shakhovskaya: 1920–1926], vstup. st. R. Berda i F. Cherkasovoi; predisl. S. Sheilz, publ., sost., podgot. teksta, primech. R. Berda, F. Cherkasovoi. Moscow, Russkii put' Publ., 2014. (In Russ.)

Nezabytye mogily: Rossiiskoe zarubezh'e: Nekrologi 1917–1997: V 6 t. [Unforgotten Graves: Russians abroad: Obituaries 1917–1997. In 6 vol.], sost. V.N. Chuvakov. Moscow, RGB Publ., 1999–2007. (In Russ.)

Perepiska G.V. Adamovicha s R.N. Grinbergom: 1953–1967 [G.V. Adamovich's Correspondence with R.N. Grinberg], publ., podgot. teksta i komment. O.A. Korosteleva. In: *Literaturovedcheskii zhurnal* [The Literary Review], 2003, № 17, pp. 97–182. (In Russ.)

Pis'ma zapreshchennykh liudei: Literatura i zhizn' emigratsii: 1950–1980-e gody: Po materialam arkhiva I.V. Chinnova [Letters of Forbidden People: Émigré's literature and life: 1950s–1980s: Following I.V. Chinnov's papers], sost. O.F. Kuznetsova. Moscow, IMLI RAN Publ., 2003. (In Russ.)

Pregel' S. *Razgovor s pamiat'iu: Poeziia, proza, ocherki i stat'i: V 2 t.* [A Talk with Memory: Poetry, prose, essays and articles], sost., podgot. teksta, vstup. st. i komment. V. Khazana. Moscow, Vodolei Publ., 2017. (In Russ.)

Proekt «Akmeizm» [“Acmeism” as a Project], vstup. st., podgot. teksta i komment. N.A. Bogomolova. In: *Novoe literaturnoe obozrenie* [The New Literary Review], 2002, № 58, pp. 140–180. (In Russ.)

Roman Grinberg i Roman Iakobson: Materialy k istorii vzaimootnoshenii [Roman Grinberg and Roman Jakobson: Materials on the history of their relationship], vstup. st., publ. i primech. R. Iangirova. In: *Roman Iakobson: Teksty, dokumenty, issledovaniia* [Roman Jakobson: Texts,

documents, studies], otv. red. Kh. Baran, S.M. Gindin. Moscow, RGGU Publ., 1999, pp. 201–212. (In Russ.)

Rossiiskoe zarubezh'e vo Frantsii 1919–2000: Biograficheskii slovar': V 3 t. [Russian Émigré in France 1919–2000: Biographical dictionary. In 3 vol.], pod obshch. red. L. Mnukhina [et. al.]. (In Russ.) Moscow, Nauka Publ., Dom-muzei M. Tsvetaevoi Publ., 2008–2010. (In Russ.)

Sedykh A. *Pamiati R.N. Grinberga* [In memory of R.N. Grinberg]. In: *Novoe russkoe slovo* [New Russian Word], 1969, № 21746, 27 dek., p. 3. (In Russ.)

Shapiro G. *Desiat' pisem Doviida Knuta* [Ten Letters of Dovid Knout]. In: *Cahiers du monde russe et sovetique*, 1986, vol XXVII, № 2, avril–juin. (In Russ.)

Sosinskii V. Konurka (Ob Aleksee Remizove, Aleksandre Alekhine, brat' iakh Modil'iani i drugikh) [The Dog-hutch (On Aleksey Remizov, Alexander Alekhine, Modigliani brothers and others)], publ. S. Sosinskogo-Semikhata. In: *Voprosy literatury* [Literary Issues]. 1991. № 6. S. 167–207. (In Russ.)

Sto pisem Georgiia Adamovicha k Iuriiu Ivasku (1935–1961) [Georgy Adamovich's 100 Letters to Yuri Ivask], predisl., publ. i komment. N.A. Bogomolova. In: *Diaspora: Novye materialy. V* [Diaspora: New materials. V]. Saint Petersburg, Feniks Publ., 2003, pp. 402–557. (In Russ.)

Talov M. *Vospominaniia. Stikhi. Perevody* [Memoirs. Poems. Translations], Sost. i komment. M.A. Talovoi, T.M. Talovoi, A.D. Chulkovoi. Moscow, MIK Publ.; Parizh, Al'batros Publ., 2005. (In Russ.)

«...Tam u nas samyi zhadnyi i blagodarnyi chitatel'...»: Perepiska redaktorov zhurnalov «Grani» i «Mosty» s redaktorom al'manakha «Vozdushnye puti» [“...There we have the most greedy and grateful reader ...”: Correspondence between the editors of “Facets” and “Bridges” with the editor of “Airways”], predisl., publ. i primech. G. Glushanok. In: *Periodicheskaiia pechat' rossiiskoi emigratsii. 1920–2000* [Russian Émigré Periodical Press. 1920–2000], pod red. Iu.A. Poliakova i O.V. Budnitskogo. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN Publ., 2009. (In Russ.)

Tolstoi I. *Kursiv epokhi: Literaturnye zametki* [The Italics of the Era: Literary notes]. Saint Petersburg: Pushkinskii fond Publ., 1993. (In Russ.)

Valiuzhenich A.V. *Riadam s Maiakovskim* [At Mayakovsky's Side]. In: *Niva* [Field], Astana, 1999, № 1. (In Russ.)

Vil'danova R., Kudriavtsev V., Lappo-Danilevskii K. *Kratkii biograficheskii slovar' russkogo zarubezh'ia* [A Shorter Biographical Dictionary of Russian Émigré]. In: *Russkaia literatura v izgnanii* [Russian Literature in Exile]. Parizh: YMCA-Press; Moscow, Russkii put' Publ., 1996, pp. 276–386. (In Russ.)

Zagranitsa (Vospominaniia G.V. Alekseeva i ocherk B.A. Pil'niaka) [Foreign Land (G.V. Alekseyev's Memoirs and an essay by B. Pilnyak)], publ. E.I. Gorskoi. In: *Vstrechi s proshlym. 7* [Encounters with the Past. 7]. Moscow, Sov. Rossiia Publ., 1990, pp. 157–195. (In Russ.)

Dovid Knout: New materials

Vladimir Khazan

Abstract: The literary and epistolary heritage of the famous émigré poet Dovid Knout (David Mironovich Fixman, 1900–1955) has already become the subject of publications and research studies more than once. However, a relatively recent discovery in Israel, where Knout lived the last years of his life, where he died and is

buried, a significant and still unknown part of his archive (unpublished poems, prose, articles, diary, letters, etc.) gives a new actuality to the study of his life and works. It may be said that partly unknown (or little-known) Knout opens up to specialists and a broad reader. For this publication several letters from the newly-discovered archive – written by Knout himself (to the first and second wives: Sara-Sophia Grabois and Ariadna Skriabin) and to him by different persons (G. Adamovich, D. Glikberg, R. Grinberg and others) – are selected.

Keywords: Dovid Knout, Georgy Adamovich, Roman Grinberg, Russian émigré, correspondence.

Information about the author: Vladimir Khazan, Ph. D. Professor, The Hebrew University of Jerusalem, Israel. E-mail: vladimirkhazan6@gmail.com.